

А. Р. ЛУРИЯ

943848

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В ЕЕ ОСНОВНЫХ
НАПРАВЛЕНИЯХ

1928
291

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

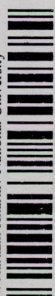
МОСКВА — 1928

ена 75 к.
Р

08к

V.N. Karazin Kharkiv National University

00876594

5

1891

1891

943848

А. Р. ЛУРИЯ

~~2. III.~~
~~730.~~ 11
145

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В ЕЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ

1942

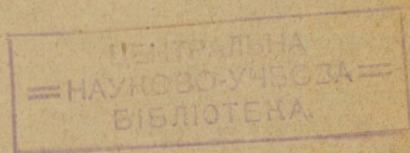
Аф.

~~1928~~
~~231.~~

21 ИЮН 1934

1942

Аф

640

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

МОСКВА — 1928

Проверено
ЦНБ 1939

III. 2
082

8221
102

Главлит № 99027.

Тираж 3 000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий“, Пименовская, 16.

Под психологией обычно было принято понимать науку, изучающую наше сознание, душевные явления, наш внутренний мир. И, однако, современная научная психология ничего общего с этими проблемами не имеет. Поэтому небезынтересной является задача—разобраться в основных направлениях современной психологии и проследить, как с течением времени она стала ставить перед собой совершенно новые проблемы, и как теперь психология в ее отдельных течениях стала наукой о поведении человека.

1. „Эмпирическая“ психология.

То представление, которое еще теперь многие имеют о психологии, думая, что она изучает душевные явления и явления сознательной душевной жизни, целиком принадлежит эпохе в развитии психологической мысли, тесно связанной с идеалистическим миропониманием и теперь уже окончательно отошедшей в прошлое.

Корнями это представление уходит еще в ту эпоху, когда философы пытались постичь сущность «внутреннего мира» человека глубоким размышлением и чисто-логически, «рационально» хотели построить свое знание о душе и душевных способностях. Такие философы были искренно уверены, что «душу» можно очень точно познать и даже измерить; что она разделяется на вполне определенное количество «способностей». Среди этих «способностей» различались, напр., способность желать, способность чувствовать, способность познавать или более специальные—вроде тех, которые позднее «открыл» Галль («Über das Organ der Seele», 179),

говоривший, что и мозг точно распределяется на ряд участков, в которых строго локализованы отдельные «способности души», ведущие совершенно самостоятельное существование.

Однако эта «рациональная» психология мало-по-малу показала свою несостоятельность, и на ее почве развилась «эмпирическая» психология, решившая не пытаться чисто-умозрительно проникнуть в сущность душевных процессов, но изучить «душевные явления» так, как они нам «даны», т.-е. исходя из наших субъективных переживаний и явлений сознания.

Эти-то проблемы и стали центральными в так наз. «эмпирической» психологии ¹⁾.

Конечно, во главу угла этой психологии стали отдельные явления сознания.

Какие законы управляют нашей сознательной жизнью? Как мы чувствуем, переживаем? Где и как можно найти зачатки сознания, его наиболее элементарные проявления? Как действует наша воля и как проявляются ее самые примитивные, самые начальные формы?

Все эти вопросы очень заинтересовали психологов эмпирического направления; для разрешения же их понадобились очень углубленные и систематические наблюдения.

Вследствие самого характера всех этих процессов, доступных только лицу, наблюдающему их на себе самом, эти наблюдения носили ярко-выраженный субъективный характер. Каждого исследователя интересовало прежде всего описание того или иного состояния сознания, и в таком описании психологи думали найти ключ к закономерностям психической жизни.

Правда, уже вскоре обнаружилось, что значительный интерес представляют также и сопровождающие эти субъективные состояния физиологические изменения: при напряжении внимания характерным образом изменялось напряжение мускулатуры лба, менялось дыхание

¹⁾ Ее бы правильнее было назвать „наивно-эмпирической“, потому что она всецело наивно полагалась на те данные, которые она находила в сознании и сознательных переживаниях.

и т. п.; при переживании эмоции всегда можно было наблюдать изменение пульса, дыхания, иногда появлялся пот, сухость рта и т. п.; однако психологи, стоявшие на точке зрения строго-выдержанного дуализма (все равно—был ли это психофизический параллелизм или психофизическое взаимодействие), думали, что душа и ее проявления имеют свое автономное существование, и рассматривали все эти объективные процессы лишь как сопутствующие изменения, не имеющие самостоятельного значения для понимания психических процессов.

Когда психологи-эмпирики подошли ближе к систематическому описанию состояний сознания, они естественно встретились с необходимостью каким-нибудь образом расклассифицировать и объяснить наблюдаемые ими психические явления.

При осуществлении этой задачи они пошли по пути, который был характерен и для философии и для естественных наук того времени: они решили, что для того, чтобы хорошо описать и объяснить психические явления, нужно разложить их на наиболее простые составные части.

Пойдя по такому пути поисков «элементарных составных частей психики», психологи пришли к убеждению, что такие элементарные психические атомы есть, и что из них можно, путем их соединения, составить любые, самые сложные психические процессы. Наиболее элементарным психическим явлением оказалось ощущение: оно обладало как будто бы максимальной простотой и вместе с тем уже было до определенной степени сознательно. Усложняясь, ощущение образовывало большую степень сознательности: группа ощущений, определенным образом связанная друг с другом, образовывала восприятие; восприятие, повторяясь и откладываясь в психике, давало уже представление, которое при известных условиях повторения и отвлечения могло переходить в понятие. Если к простому или сложному ощущению присоединялся другой элементарный психический процесс—чувствование, оно получало «чувственный тон» и становилось уже более сложным психическим конгломератом—чувственным или

эмоциональным представлением; если, наконец, к нему присоединялось простейшее стремление, оно приобретало волевой характер, и получался довольно сложный процесс психической жизни.

Наоборот, каждое сложное психическое состояние оказывалось легко разложимым на свои «составные части»: так, яблоко, которое я хочу съесть, оказывалось психологически распадающимся на: ощущение красного+холодного+гладкого+восприятие круглого+представление о сладком+чувство приятного+стремление к обладанию им и т. п.

Таким образом все здание эмпирической психологии оказывалось построенным из отдельных соединенных друг с другом «ассоциированных» психических элементов.

Этот психологический ассоциационизм был важнейшим принципом эмпирической психологии и вместе с другим принципом—субъективизмом—составлял важнейшую ее основу.

II. Развитие экспериментального метода.

Задача точно исследовать «элементы» психической жизни заставила эмпирическую психологию особенно внимательно отнестись к методам и техническим приемам, облегчавшим подход к этому материалу.

Исследование ощущений поставило ученых перед задачей найти способы возможно более точно изучать, описывать и особенно измерять эти «простейшие» процессы. Появилась необходимость ставить эти процессы в особые условия, искусственно вызывать их, усиливать их и ослаблять. Таким образом возник психологический эксперимент, по своей тонкости и точности стоящий очень высоко и часто не уступающий экспериментам в области любой точной науки.

Правда, в эмпирической психологии эксперимент занимал лишь подсобное место; в основе его всегда стояло самонаблюдение—субъективное описание протекающих в течение эксперимента психических процессов; однако эксперимент образовал то здоровое ядро эмпирической психологии, которое позднее перешло и в пси-

хологию объективную; эксперимент научил психологов ставить посильные для решения задачи, утвердил полную зависимость проблем от имеющихся в распоряжении исследователя методов, короче—поставил психологию в ряды наук, обладающих серьезными и точными методами и навряд ли стоящих далеко позади оформившихся естественно-научных дисциплин.

Обычно принято думать, что эмпирическая психология последнего времени не обладала точными способами исследования своих материалов; несколько примеров убедят нас в том, насколько неправильным является этот взгляд.

Мы упомянули выше, что эмпирическая психология обращала особенное внимание на изучение ощущений, из которых она складывала свою сложную психическую жизнь. При таком значении ощущений, конечно, стало необходимым не только описать их возможно полнее, но и уметь их достаточно точно измерить. Такая задача измерения психических процессов (и возможно точного соотнесения их физическим процессам) и являлась основной задачей «психофизики» — родоначальницы и важнейшей главы современной экспериментальной психологии.

Еще Фехнер отметил то интересное явление, что предъявленное в минимальной степени раздражение (напр., покалывание кожи или легкий звук) совершенно не воспринимается испытуемым; однако, увеличивая интенсивность такого раздражения, можно было достигнуть появления весьма заметного ощущения. Обратившись к помощи аппаратов, позволяющих точно варьировать силу раздражения, психологам удалось установить тот момент, когда появлялось ощущение, вызванное данным раздражителем; так был открыт так наз. «порог» (точнее—нижний порог) ощущения.

Однако оказалось, что не всякое дальнейшее усиление предъявляемого раздражения ведет к появлению в сознании ощущения этого усиления. Для того, чтобы испытуемый чувствовал «более сильный» укол или звук, необходимо, чтоб новое раздражение было сильнее прежнего на вполне определенную величину.

Эти исследования образовали одну из важных и наиболее точных глав психофизики и дали возможность двум немецким ученым—Фехнеру и Веберу, установить точный (математически выраженный) закон, которому подчиняются ощущения человека.

Важнейшее было таким образом сделано: простейший субъективный процесс был выражен в точных математических единицах. Естественно, что после этого экспериментальная психология обратилась к задаче столь же точного выражения и более сложных психических процессов.

Такой метод найден был в так наз. методе реакций. Получив свое достаточное обоснование и развитие в школе Вундта, этот метод позднее стал одним из отправных методов объективной психологии.

Этот метод исходил из того, что каждое психическое движение, построенное по типу рефлекса, т.-е. начинающееся с восприятия определенного раздражения и кончающееся двигательной иннервацией, занимает определенное время. Время, которое нужно для осуществления более простого психического процесса, естественно меньше, чем время, затрачиваемое на сложный процесс. В обоих случаях, однако, скорость самого окончательного движения одна и та же, да и быстрота простого ощущения раздражителя не слишком различна. Следовательно, увеличение времени в сложной реакции идет за счет усложнения центрального—«психического» процесса; достаточно систематически усложнять его и проследивать изменение затрачиваемого времени, чтобы получить измерение психического процесса во времени.

Так, например, средняя скорость простой реакции на звуковое раздражение равна 120—150 σ ($\sigma=0,001$ секунды); средняя скорость усложненной реакции, куда введена сложная психическая деятельность—различения или выбора, уже значительно иная—времени на нее затрачивается больше; это увеличение времени целиком идет за счет усложнения психического процесса.

Скорость простых психических процессов была таким образом измерена, и тем самым было положено начало точному подходу к психическим процессам; психологи-

ческий эксперимент повел к необходимости изменения и самого материала и принципов психологической науки.

Полученные с помощью этих методов экспериментальной психологии данные оказались столь точными, что дали возможность сравнить их с данными, полученными в других областях: в исследовании детей, нервно-и душевнобольных, преступников, животных. Больше того, они оказались столь важными, что были часто в состоянии ответить на ряд практических жизненных запросов: в самом деле, скорость психических процессов, основные законы психической деятельности были очень важны для всех тех областей практики, в которых овладение деятельностью человека и ее рационализация могли принести пользу. Педагог, работающий с учащимися, естественно хотел знать скорость реакций своих учеников, темп их внимания, их утомляемость и упражняемость. Инженеру, работавшему на производстве, столь же важно было узнать те же качества у рабочих, чтобы быть в состоянии рационально распределить и организовать их труд.

Эти требования практической жизни выставили вместе с тем и задачу, которая фактически повлекла за собой изменение основного принципа эмпирической психологии. Жизненную практику меньше интересовали субъективные состояния сознания, их изменение и т. д. Она была гораздо больше заинтересована в поведении человека, выявляемом вовне и составляющем существенную часть живой социальной жизни; жизненная практика прежде всего стремилась овладеть законами этого объективного человеческого поведения. Психология, следовательно, должна была прежде всего сменить свой предмет, перестать быть наукой о состояниях сознания и стать наукой о человеческом поведении.

Рядом с этим встала и вторая, столь же существенная задача: практическая необходимость заставила обратить особое внимание на ту сторону, в которой особенно слаба была экспериментальная «эмпирическая» психология, исходившая, как мы выше указывали, из «ассоциативно-

го» представления о психической жизни. Изучая отдельные элементарные процессы, она принуждена была игнорировать цельное поведение живого человека, его отношение к среде, его потребности и влечения, его конституцию,—короче, целостный характер его реальных психических процессов.

Однако, в реальной жизни мы отнюдь не встречаемся с психикой как с агрегатом ощущений, чувствований и волевых импульсов; перед нами проходят люди, преследующие свои цели, имеющие свои интересы, действующие всегда как целое и отнюдь не разлагающиеся на отдельные простейшие «элементы».

Рядом с задачей объективного изучения поведения, перед современной психологией встает таким образом и вторая задача: изучить законы деятельности этого поведения как целого, внести в науку максимальную жизненность, вплотную заняться изучением психической деятельности цельной личности.

Современная психология в ее отдельных направлениях и взяла на себя выполнение этих требований: задачу построить объективную систему изучения психики поставила перед собой американская психология поведения; проблему целостных форм психической деятельности разработала новая немецкая психология.

III. Американская психология поведения.

(„Бихэвиоризм“.)

1. Принципы психологии поведения.

Американская психология поведения была тем направлением, которое поставило своей задачей совершенно порвать с традиционным психологическим субъективизмом и выработать новый подход к поведению человека на совершенно объективных началах.

Современный «бихэвиоризм» (так называют свое направление американские психологи поведения: behavior—поведение, behaviorism—наука о поведении) насчитывает уже около 15 лет своего существования; годом его первого организованного выступления принято считать 1912 г., когда появились первые статьи американского

психолога Watson'a, весьма ясно формулировавшие основные позиции бихевиоризма ¹⁾. Правда, основные положения этого направления можно было проследить и в более ранних работах.

Уже к первым годам текущего века оформился ряд работ, изучавших законы поведения отдельных животных; другой ряд серьезных работ был предпринят для изучения поведения ребенка, душевно- и нервнобольного; все эти работы, конечно, значительно расширили материал психологии.

Во всех этих случаях учеными разрабатывался большой материал, который важно было сравнить, чтоб получить ценные выводы о поведении живых существ и его законах. Однако во всех указанных случаях к этому материалу нельзя подойти с прежними методами, имевшимися в распоряжении «эмпирической» психологии: и главное—метод самонаблюдения оказался здесь абсолютно неприменимым. Самый предмет исследования заставил таким образом этих ученых прокладывать себе новые методологические пути и прежде всего утвердить, как основной метод, метод наблюдения во всех его видах. Очевидно, и задачи исследования должны были соответственно изменяться: вместо изучения «внутреннего психического мира» встала на очередь другая, совершенно определенная задача—исследовать поведение животного (или человека) и из наблюдения над ним вывести основные законы, по которым происходит связь его с окружающей средой.

Исходным пунктом стало таким образом то положение, что при изменении обстановки, внешних условий изменяется и поведение животного. Ставя это поведение в искусственные условия, можно было получить целый ряд новых ответов, приспособлений животного к новым условиям, в результате которых мы получим новую цельную картину поведения.

Старая психология исходила таким образом «изнутри»—из сознания человека (или животного) в его про-

¹⁾ Cp. Madison Bentley. The maior categories of Psychology, „Psychol. Review“, 1926, vol. 33, № 2, p. 84. Cp. также J. Watson. „Behaviorism“. 1924, p. 1.

стейших формах. Новая объективная психология исходит из внешней среды, в которой создается поведение, и учитывает те основные движения, с помощью которых организм проявляет свое отношение к среде.

Ученые этого направления интересуются исключительно внешним поведением и не ставят перед собой цели субъективными методами исследовать сознание, мышление и т. п. Наиболее крайние представители их, например, известный американский психолог Watson ¹⁾, думают, что при построении системы психологии вполне можно обойтись без понятия сознания и без всякой трактовки этого вопроса. Психология, по мнению этих ученых, была раньше наукой о душе, стала потом наукой без души и должна стать теперь наукой без сознания. Это не значит, конечно, что эти ученые отрицают то, что человек сознает свои действия, что он может сознательно ставить себе цель и преследовать ее, это значит только, что перед «психологом поведения» стоят другие задачи, первой важности — объективно исследовать внешние процессы поведения и что к «внутреннему миру» он не может еще объективно подойти. Бихэвиорист считает, что принципиально «внутренний мир» ничем не отличается от «внешнего», что психика действует по тем же законам, которые существуют в физике и химии и что в конечном счете мы сможем объяснить этими законами и все явления сознания, не прибегая ни к каким посторонним понятиям вроде «души», «жизненной силы» и т. п.

Таким образом бихэвиористы стремятся ввести психологию в ряды естественных наук и разработать ее чисто естественно-научными методами.

В таком желании изучить человеческое поведение как объективный процесс, поддающийся обычным методам физиологии и даже физики, некоторые бихэвиористы заходят очень далеко.

Так, один из видных и крайних сторонников этого направления, А. Weiss, так определяет человеческое поведение — предмет занятий бихэвиористов:

¹⁾ На русском языке вышла его книга — Уотсон. Психология как наука о поведении человека. 1925.

«Человеческое поведение—это форма движения; бихевиорист изучает его на основе физического монизма, конечными моментами которого являются электроны-протоны...» Таким образом... «человеческое поведение сводится к: а) различным группировкам электронов-протонов и б) к движениям, возникающим при замене одной группировки другой»¹⁾).

Нетрудно видеть, что крайние выводы бихевиоризма оказываются весьма уязвимыми: конечно, можно думать, что «в конечном счете» все сводится к «деятельности электронов и протонов»; но для объяснения человеческого поведения и его специфических особенностей такой общий подход мало что может дать; сказать, что поведение человека есть комбинация физических процессов—значит сказать лишь общую фразу, не помогающую нам разобраться в том, что для нас представляет особый интерес: какими именно специфическими свойствами отличается поведение человека и по каким законам оно действует. Ясно, что, идя по такому пути, бихевиоризм вдается в наивно-механическое представление о поведении человека; отмечая все его заслуги и положительные стороны, мы должны будем еще несколько раз возвращаться к этому положению.

2. Структура поведения. Стимул и реакция.

Как же подходят представители бихевиоризма к поведению человека? Как они понимают его строение? Какими понятиями они заменяют основные понятия старой субъективной психологии?

Бихевиористы с самого начала признали вслед за некоторыми психологами и философами, что все человеческое поведение начинается с определенных раздражи-

¹⁾ А. Weiss. Behaviorism and Behavior. Pshychol. Review, 1924, № 1, p. 38—39. Ср. также его книжку Theoretical Basis of human Behavior, 1925. Желание во что бы то ни стало рассматривать поведение как комбинацию физических процессов ведет Weiss'a к очень своеобразным рассуждениям. Так, напр., такое изложение реакции ребенка на звонок: ...агрегат электронов-протонов, известный как звонок, изменяет агрегат, известный как ребенок... Это наблюдается агрегатом, известным как бихевиорист.. (там же, стр. 40),—наверяд ли может вызвать что-либо, кроме улыбки.

телей и кончается определенными ответами, что оно построено по схеме рефлекса. Бихэвиоризм предполагает—и это его основное положение,—что поведение человека нельзя разбить так, как это делала старая психология, на чисто-пассивные и чисто-активные элементы (напр. память, чувство и, с другой стороны, волевые импульсы). Каждый акт поведения, даже если он имеет внешний вид чисто-творческого, активного процесса, всегда состоит из двух (по меньшей мере) моментов: он начинается определенным стимулом, побуждением и кончается определенным движением. Процесс этот может быть более или менее сложным; но от простого поворота головы на звук автомобильного гудка до проекта здания, который создает инженер,—все это, по мнению бихэвиористов, сводится к реакциям, к ответным процессам, направленным на какой-нибудь стимул; анализируя стимул, мы можем предположить ответ, который последует на него; анализируя какой-нибудь «отрезок поведения», мы всегда сможем сказать, какой стимул его вызвал. В конце-концов задача бихэвиориста и сводится к тому, чтоб научиться понимать поведение, т. е. уметь на основании наблюдаемого отрезка его восстанавливать весь целостный процесс.

Если всякое поведение трактуется бихэвиористами как цикл «ответных реакций», то нужно отметить, что «стимул» приобрел у них очень широкое значение. Сюда относится все, что может воздействовать на нашу психику и поведение: и простые физические раздражители, и сложные ситуации—чтение книги, политическая речь, принадлежность к партии или корпорации,—все это подходит под бихэвиористское понятие стимулов или, вернее, их сложных комбинаций—«ситуаций». Все это оказывает влияние на поведение человека и его отдельные реакции.

С другой стороны, и понятие «реакций» охватывает у бихэвиористов довольно широкий класс явлений. Правда, наиболее ортодоксальные из них понимают под реакциями в первую очередь те мускульные движения, на которые распадается внешнее поведение (сюда обычно прибавляются и реакции желез внутренней секреции).

«Материалом последовательного бихэвиориста, — говорит один из американских психологов S. Fernberger, — собственно являются реакции поперечно-полосатой мускулатуры и желез и их взаимоотношения»¹⁾).

Именно такой подход к поведению человека дал повод ряду авторов упрекать крайних бихэвиористов в том, что они сводят психологию к изучению мускульных сокращений (Tolman называет крайний бихэвиоризм Watson'a «muscle—twitchism» (учение о мускульных сокращениях вместо психологии)²⁾).

В самом деле, процесс реагирования представляется ортодоксальными бихэвиористами как процесс весьма механичный. Уже цитированный нами Weiss описывает в одной статье процесс списывания текста; он представляется ему в следующем виде³⁾:

1. Стимул: зрительный стимул листа текста.
2. Соответствующее движение глаз.
3. Соответствующие органические условия (дыхательные и вазомоторные эффекты).
4. Изменение тонуса мышц пищащей руки.
5. Очень сложные движения руки при письме.

Как мы видим, процесс списывания текста распадается в этом описании на ряд механически-связанных актов, и если перед нами был бы не процесс списывания, а сложный творческий процесс писания научной работы или художественного произведения, в описании этого автора он внешне мало бы отличался от процесса списывания: ведь внешние мускульные реакции были бы в обоих случаях одни и те же, а сложнее и скрытые процессы, отличающие творчество от списывания, остались бы вне поля зрения бихэвиориста.

1) S. Fernberger. Behaviorism versus introspective psychology „Psychol. Rev.“. Vol. 29, p. 410. Ср. определение бихэвиоризма у Weiss'a: „Бихэвиоризм — наука, изучающая происхождение и развитие тех телесных движений организма, которые формируют его социальное положение“. „Behavior and the central nervous System“, „Psych. Rev.“ Vol. 29, № 5.)

2) E. Tolman. Behaviorism and Purpose. „Journal of Philosophy“, Vol. XXII, 1925. Ср. Mc. Dougall. Men or Robots. „Pedagog. Seminary“, 1926, № 1.

3) A. Weiss. Behaviorism and Behavior, цит. место, p. 124.

Правда, не все бихэвиористы стоят на такой упрощенной точке зрения, не все рассматривают поведение как простую сумму мышечных сокращений, доступных для непосредственного наблюдения.

Нужно прежде всего отметить, что самое понятие реакции часто трактуется бихэвиористами значительно шире. Прежде всего туда включаются не только видимые внешне-мышечные сокращения; туда включается и то, что называется скрытыми реакциями. Не все реакции проявляются вовне в заметных мышечных движениях; целый ряд из них остается во внешне непроявленной форме; частью их можно обнаружить более тонкими экспериментальными методами, частью же пока можно только предполагать. Анализ этих скрытых реакций и занимает серьезное место в системе бихэвиоризма и подводит его вплотную к новому пониманию старых вопросов—вопросов о субъективных состояниях и мышлении.

3. Скрытые реакции и механизмы мышления.

Перед нами человек, погруженный в обдумывание сложных проблем. Внешне он спокоен, его движения сведены к минимуму, он скован, он думает. Его «внешние проявления» так бедны, что мы навряд ли можем на основании их судить о его внутренних процессах. Однако каждый из нас знает, что эти «внутренние психические процессы» могут быть очень богаты и сложны: человек может вспоминать виденную им пьесу или обдумывать математическую задачу, или грезить наяву. Все эти процессы, конечно, будут чрезвычайно своеобразны, и сходство их будет обнаруживаться лишь в одном: в бедности внешних выражений. Как же поступает бихэвиорист, когда он подходит к этой задаче? Прежде всего он отвечает положением, которое согласовывается со всей его теорией: тот способ, который применяли психологи, изучавшие эти явления, ему кажется неудовлетворительным; в них он отнюдь не склонен видеть «качества не-материальной, не-биологической, не-механической и не-причинной сущности»; наоборот, эти явления, по его мнению, должны быть столь же мате-

риальны, механичны и причинны, как и другие явления органического и неорганического мира; поэтому все такие процессы, как мышление, образы и ощущения, для бихэвиориста «должны быть движениями и иметь определенную сенсорно-моторную структуру» ¹⁾.

Однако эти движения, которые характеризуют такие внутренние процессы, как мышление, имеют свое особенное строение и отличаются прежде всего тем, что не выявляются в открытой форме, оставаясь внутренними, скрытыми, невыявленными до конца процессами.

Из таких движений, имеющих значение для мышления, бихэвиористы отмечают прежде всего речевые движения в той их особой форме, которая называется внутренней речью и которая сводится к минимальной деятельности артикуляционного аппарата, обнаруженной лишь с большим трудом и с помощью точных приборов. Эти движения речевого аппарата возникли как вспомогательные движения при формировании сложных социальных реакций человека и оказались, по мнению бихэвиористов теми механизмами, которые составляют основу мышления. «Мышление есть объективно лишь внутренняя речь», так подходит к этой проблеме наиболее видный из американских бихэвиористов Watson, и это положение разделяют с ним большинство бихэвиористов ²⁾. И в самом деле, во многих случаях при усиленном мышлении удалось констатировать небольшие движения речевого аппарата; это установлено многими психологами еще до бихэвиористов ³⁾, и открытым остается лишь вопрос, сводится ли мышление к таким движениям или же они составляют лишь сопутствующий его компонент.

1) Weiss. Theoretical Basis of human Behavior. Columbus, Ohio. 1925, p. 259, 265.

2) Правда, Watson склонен включить в понимание мышления также и другие движения: глаз, пальцев и т. д., которые проявляются особенно ярко у людей, лишенных обчной речи: глухонемых, слепоглухонемых. Ср. Уотсон. Психология как наука о поведении. М. 1926, гл. IX.

3) Ср. указания у W. Stern'a—Differenzielle Psychologie, 2 Aufl. 1922.

Watson считает, что эти скрытые речевые движения имеют основное значение не только для мышления, но и для сознательности психических процессов вообще; сознавая те или иные моменты, мы повторяем их про себя; ребенок, еще не научившийся говорить, по мнению Watson'a, не обладает сознательностью в той форме, как мы обычно ее понимаем; именно этим моментом он склонен объяснить и тот констатированный многими психологами факт, что период детства нами всеми забывается; вернее думать, говорит Watson, что он и не был сознателен, так как речевая деятельность еще не была достаточно развита ¹⁾.

Во всех этих построениях бихевиористов преобладает один основной принцип: сознание отнюдь не есть некий самостоятельный процесс не-физического порядка; сказать «я воспринял красный цвет»—это значит описать тот же процесс, который бихевиорист описывает как «реакцию на красный цвет»; мышление и сознание по учению бихевиористов являются лишь особым видом поведения, который подлежит столь же объективному изучению, как и другие виды поведения.

Мы отнюдь не думаем, что успех психологии может быть гарантирован другими методами, кроме объективного изучения психических процессов; однако положения крайнего бихевиоризма навряд ли могут нами считаться достаточно обоснованными.

Мы знаем много случаев, где сложное организованное поведение, говорящее об участии интеллекта, проходит совершенно без участия хотя бы и скрытых речевых реакций; мышление отнюдь не может быть во всех случаях и без остатка сведено на скрытую речь ²⁾. Считать, что мышление есть простой результат отдельных мускульных движений, правда, скрытых от наблюдения,—отнюдь не значит решать эту сложную

¹⁾ Watson. The Unverbalised in human behavior. „Psychol. Review“, 1924.

²⁾ Ср. здесь многочисленные исследования над беспредметным и безобразным мышлением, учение об актах в психологии; с другой стороны, работы по афазии. Ср. Кр о л ь. Мышление и речь. Труды Белорусск. гос. унив-та, т. 2. Подробнее мы остановимся на этом ниже, когда будем говорить об опытах Köhler'a с интеллектом обезьяны.

проблему нацело. То огромное усложнение поведения, которое предполагает развитие мышления, без сомнения, рождает те качественно новые формы, которые отнюдь не сводятся к простой комбинации двигательных форм, но требуют более сложного, более адекватного описания. На нем нам придется еще несколько раз остановиться в пределах этих страниц ¹⁾.

4. Врожденные и приобретенные реакции.

Подходя к поведению человека, как к системе ответных движений, бихэвиористы, естественно, должны были поставить вопрос: откуда же появляется весь тот сложнейший набор двигательных реакций, который характеризует поведение?

В самом деле, некоторые виды поведения появляются у человека довольно поздно и становятся заметными лишь в подрастающем ребенке или взрослом; другие, как кажется, начинают существовать уже с самого рождения. Прежняя психология часто грешила тем, что, рассматривая характер движений, не являвшихся прямыми ответами на внешние раздражения, относила их к движениям «наследственным». Это часто создавало большую запутанность в основных вопросах психологии, потому что с «наследственными» реакциями очень легко можно смешать те реакции, которые были приобретены в раннем детстве и достаточно устойчиво закрепились.

Бихэвиористы избрали совершенно правильный путь для решения вопроса о том, какие из видов поведения являются врожденными и какие — приобретенными в раннем детстве: они решили проследживать ребенка с первых дней его жизни и систематически регистрировать все те виды поведения, которые он обнаруживает. С помощью такого метода, конечно, можно с точностью установить не только список врожденных видов поведения, но и проследить, когда и какими путями приобретаются новые формы реакций.

¹⁾ Здесь мы сошлемся лишь на одну попытку дать объективное описание механики сознания, которая нам кажется очень интересной. Она принадлежит Л. С. Виготскому и составляет предмет его статьи «Сознание как проблема психологии поведения», «Психология и марксизм», 1925.

Watson, проделавший такую работу над целым рядом детей ¹⁾, заявляет с полной определенностью, что в этой работе им руководила задача устранить ту неясность, которая царила в этой области до бихевиоризма. Оценивая ту или иную реакцию, происхождение которой казалось исследователю неясным, психологи просто говорили, что они имеют дело с инстинктом. Watson склонен вообще устранить это неясное понятие из психологии. Если мы наблюдаем бумеранг дикаря, искусно сделанный из дерева так, что, будучи брошен, он возвращается назад к бросившему его, можем ли мы тут говорить об «инстинкте возвращения» у бумеранга? Watson думает, что здесь скорее надо исследовать строение бумеранга и те физические законы, которым он следует, возвращаясь обратно.

То же самое, по его мнению, приложимо и к инстинктам. Они в конечном итоге сводятся к ряду врожденных рефлексов, которые можно наблюдать и законы действия которых могут быть со временем изучены.

В своих наблюдениях Watson установил ряд таких реакций, которые с полной определенностью можно было наблюдать у ребенка уже с момента рождения; эти реакции изображены им на прилагаемой схеме.

Как можно видеть из прилагаемой схемы (рис. № 1), далеко не все реакции начинаются с самого рождения ребенка. К врожденным отнесен ряд реакций физиологического порядка (пищевые реакции, икание, отрыжка, рефлекс половых органов), а также и более сложных видов поведения; из последних Watson в первую очередь выделяет три, которые принято было обычно относить к числу инстинктов. К ним относятся: 1) все те реакции, которые появляются при поглаживании кожи и раздражении слизистых оболочек и характеризуются тем, что ребенок проявляет признаки наслаждения, успокоения и тянется к раздражителю; их Watson называет примитивным любовным поведением (love beha-

¹⁾ Ср. его «Психология как наука о поведении», гл. VII, а также статью „What the nursery has to say about instincts“. „Pedag. Seminary“, 1925, June. В СССР такая же работа проводится проф. Н. М. Щеловановым в Ленинградском институте мозга (Отделение генетической рефлексологии).

viol); они очень близки к тем фактам примитивной детской сексуальности, которые отмечены Freud'ом ¹⁾;

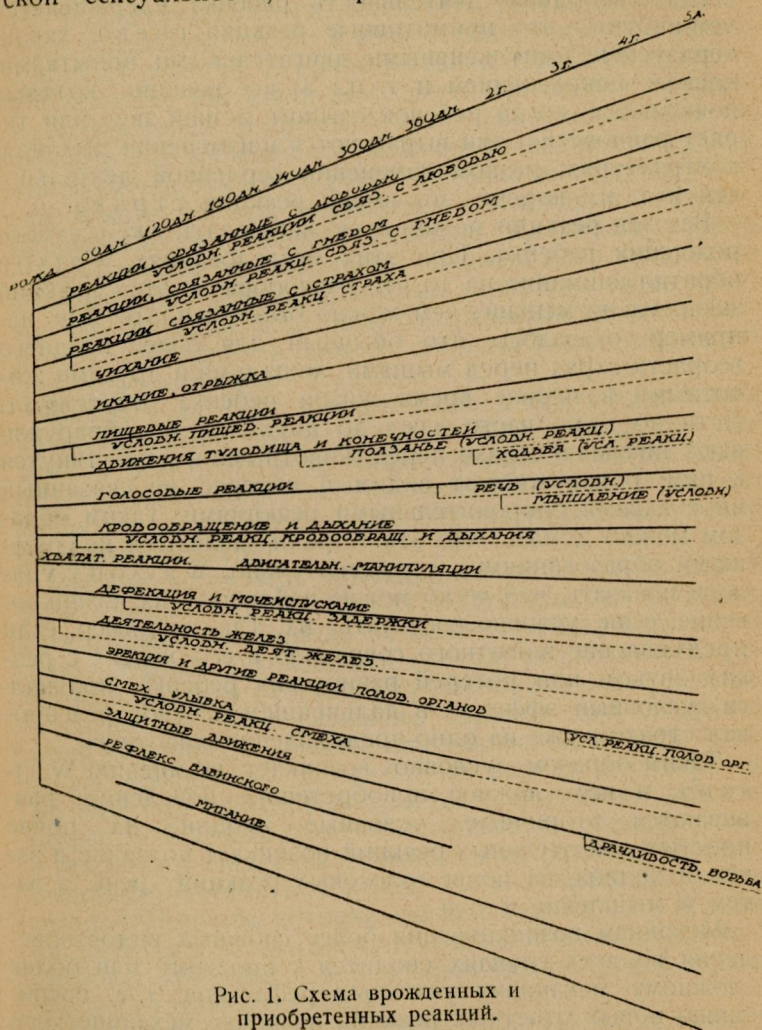

Рис. 1. Схема врожденных и приобретенных реакций.

¹⁾ Ср. S. Freud. Теория полового влечения и др. „Психологич. и психоаналитич. библиотека“, вып. VIII.

2) все те реакции, которые появляются в тех случаях, когда свободная деятельность ребенка удерживается чем-нибудь,—это примитивные реакции гнева, характеризующиеся импульсивными двигательными попытками, криком, покраснением и т. п.; 3) все реакции, которые появляются, когда ребенок слышит резкий звук или теряет равновесие; они выражаются в изменении дыхания, контрактурах, резком изменении сердечной деятельности и т. п.; короче—мы имеем реакции страха.

Все эти реакции можно было наблюдать уже с самого рождения ребенка. При этих исследованиях Watson обратил внимание на то, что разнообразие этих реакций значительно меньше, чем можно было ожидать. Так, например, оказалось, что обычный для более позднего возраста страх перед мышами, лошадьми и другими животными в первое время жизни ребенка отсутствует. Дети до года, часто даже до двух лет, не обнаруживают никакого страха перед животными и даже тянутся к ним, обнаруживают видимый интерес, не связанный ни с какими оборонительными реакциями. Таким образом можно думать, что эти «страхи» являются позднейшими образованиями; и действительно, Watson'у удалось показать, что легко можно наблюдать их возникновение, если «условно воспитать» их. Так, например, если предъявление животного совпадало в его опытах с резким звуком или потерей равновесия ребенка, получался «условный эффект»: в дальнейшем ребенок реагировал страхом уже на одно предъявление животного.

Таким образом «условно» возникает, по мнению Watson'а, и все сложное приобретенное поведение: развиваются вторичные условные эмоции; на почве простых двигательных реакций возникает ползание, а затем и ходьба, на почве голосовых реакций—речь, а затем и мышление и т. п.

Механизм возникновения более сложных видов поведения во всех случаях сводится к простому или более сложному механизму условных рефлексов, т.-е. воспитанию новых ответных реакций на почве механического совпадения и ассоциации двух раздражителей.

Этот механизм определяет, по мнению бихевиористов наиболее крайнего направления, все сложные формы

поведения человека. Watson склонен даже думать, что люди рождаются без резких индивидуальных различий, и что индивидуальные различия есть результат дальнейшего жизненного опыта и возникновение приобретенных условных реакций. В одной из своих статей он говорит, что если бы мы взяли двух детей—ребенка современного европейца и древнего египтянина, мы навряд ли нашли у них врожденные различия поведения, и что все эти различия относятся исключительно за счет тех условий, в которых они развивались и в которых дифференцировались их условные реакции. Два родные брата с одинаковыми врожденными данными могут развиваться в совершенно противоположные характеры лишь потому, что ситуация, в которой они развиваются, включающая и отношения к ним со стороны родителей, часто является различной.

Является ли схема развития поведения, выставленная бихевиористами, правильной и нацело приемлемой схемой? Ответить на этот вопрос можно, лишь указав на отдельные ее дефекты. Мы отметим здесь лишь два из них и только потому, что они носят весьма принципиальный характер.

Прежде всего ведь приведенная выше схема в лучшем случае перечисляет отдельные из врожденных реакций, но отнюдь не может претендовать на то, чтоб служить руководящей схемой, объясняющей развитие поведения ребенка. Перечисленные в ней реакции в высшей степени случайны, связаны друг с другом лишь механически; единой систематической связи, «структуры поведения» мы здесь не видим, несмотря на то, что она безусловно имеется в поведении каждого возраста. В самом деле, что общего у «реакции гнева» с «икотой» и «чиханием»? Являются ли равноценными составными частями поведения «смех» и «рефлекс Бабинского»? От схемы, которая, как замечает Watson, должна дать «поток активности человека», можно ждать и требовать большего, чем простое механическое перечисление отдельных реакций.

С другой стороны, мы очень сомневаемся в том, что усложнение поведения идет по пути простого механического воспитания условных рефлексов над примитив-

ными функциями. Трудно думать, что из «голосовых реакций» путем простого совпадения раздражителей и воспитания условных ответов получилось мышление. Мы знаем случаи, когда сложное интеллектуальное поведение имеется налицо, хотя наличия речи и нет; мы навряд ли можем согласиться с тем, что есть какой-то период в жизни ребенка, когда он обладает речью, не обладая одновременно мышлением. Возвращаясь к упомянутым опытам Watson'a с искусственным условным вызыванием эмоции, мы можем сказать, что навряд ли всякий ребенок, боящийся мышей, испытал когда-либо одновременное совпадение виденной мыши и «безусловного раздражителя», рождающего страх. Процесс развития новых видов поведения, несомненно, происходит значительно сложнее. Обратимся же к тому, как представляют его механику бихевиористы.

5. Воспитание новых форм поведения. Проблема обучения.

Как же происходит обучение новым формам поведения? По каким механизмам строятся те реакции, с помощью которых индивид научается решать трудные задачи, приспособляться к новым и сложным ситуациям?

Этот вопрос, который является центральным вопросом и психологии ребенка, и педагогики, сильно занимал американских ученых, и мы имеем ряд специальных исследований, посвященных его решению.

Для того, чтоб решить, приспособляется ли животное к сложным условиям путем выработки новых движений, американские авторы должны были прежде всего поставить животное в какие-нибудь специальные сложные условия и затем проследить его последующие реакции.

Наибольшую известность получили ставившиеся с этой задачей опыты одного из виднейших американских психологов-объективистов—Е. L. Thorndike.

Опыт происходит, например, так: голодную кошку (или собаку) помещают в клетку, вне которой лежит пища; животное может открыть дверцы клетки, лишь совершив какое-либо определенное действие, новое

для него (например, потянуть за петлю, висящую в клетке). Обычно животное после многочисленных попыток, наконец, делает требуемое движение и получает доступ к пище. Изучая время, потраченное животным на эту задачу, эти авторы замечают, что оно с течением опытов все уменьшается,—животное вырабатывает новый вид поведения.

Каким же образом возникает этот процесс достижения решения? Американские авторы бихэвиористы отвечают на это очень своеобразно. Они полагают, что новая форма поведения вырабатывается у животного механически, путем закрепления удачных форм приспособления к сложной ситуации. Животное обладает от природы, так рассуждают эти ученые, целым рядом форм двигательных сочетаний. Будучи поставлено в сложную обстановку, оно производит целый ряд движений, между которыми попадаетея и определенное двигательное сочетание, разрешающее задачу и дающее животному возможность выбраться из клетки и получить доступ к пище. Это двигательное сочетание, случайно попавшееся при двигательных попытках животного, сопровождается удовольствием; поэтому при последующих попытках оно будет снова и снова повторяться и закрепляться благодаря достигнутому с его помощью успеха. В таком-то закреплении удачной реакции и состоит процесс обучения у животного; никакого интеллекта, никакой целесообразной направленности и сложных принципов организации поведения американские бихэвиористы здесь не видят. Выработка нового вида поведения, собственно говоря, сводится, по их мнению, к механическому закреплению путем повторений наиболее удачной комбинации из врожденных возможностей, в силу простой вероятности, встретившейся у животного. Новые формы поведения сводятся в сущности к закреплённой комбинации уже имевшихся реакций, но лишь отвечающих условиям опыта.

Этим объяснением возникновения новых форм деятельности американские ученые пытаются совершенно устранить участие интеллекта в поведении животного. Животное не «решает» задачи, оно не приспособляется

к ней организованным путем, его приспособление является лишь результатом постоянного механического откладывания, закрепления «удачных» двигательных сочетаний, связанных с успехом и удовольствием. В объяснении сложных видов поведения и обучения им бихевиорист не выходит, следовательно, из пределов простейшего рефлекторно-инстинктивного поведения.

В самом деле, указывает Торндайк, если бы в поведении животного имелось налицо участие интеллекта, то уже одного решения задачи, «понимания способа», с помощью которого можно было бы выйти из трудного положения, было бы достаточно для того, чтобы

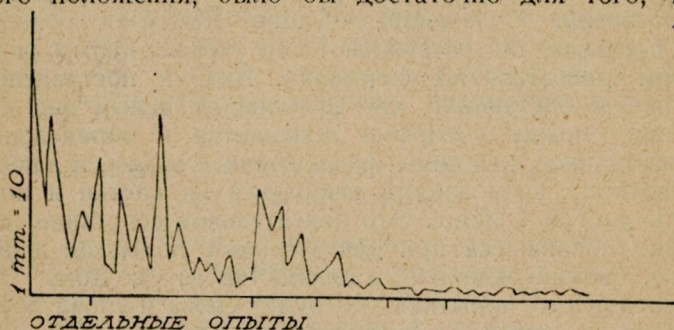

Рис. 2.

это решение навсегда закрепилось в поведении животного и чтобы последующие задачи выполнялись точно и без замедления.

Опыт показывает однако, что у животных мы имеем другую картину. Измеряя время, требующееся животному для решения каждой «задачи», и откладывая по абсциссе время целой серии таких опытов, Торндайк получил весьма показательную кривую. На этой кривой мы видим, что для первых опытов животному (кошке) нужно было для решения задачи значительно больше времени, чем для последующих; кривая неправильными уступами, но все же идет вниз, и в ее правой части время, нужное для решения задач, уже оказывается незначительным. Комментируя эту кривую, Торндайк замечает, что постепенность снижения времени решения

задачи говорит за то, что налицо лишь механизм постепенного закрепления удачных реакций и упражнения, но отнюдь не процесс, характеризующийся участием интеллекта. Если бы животное «поняло», как решить задачу, то в следующий раз оно решало бы ее сразу, и кривая с большой высоты пала бы отвесно до основания (0 минут=непосредственное решение задачи).

Какие же факторы отмечает Торндайк (а за ним и другие бихевиористы) в этом процессе обучения новым формам деятельности?

Факторы эти очень несложны и сводятся к нескольким простым «законам»: 1) закон удаи: закрепляются те из двигательных комбинаций, которые имели успех и были связаны с чувством удовольствия; 2) закон частоты: закрепляются те реакции, которые повторялись чаще других, а так как чаще других повторяются те реакции, которые достигают цели и являются окончательными, заканчивающими ряд попыток, то естественно, что именно они в первую очередь и приобретают характер закрепленных форм поведения; этот закон может быть иначе формулирован как закон упражнения: закрепляются те двигательные комбинации, которые больше подвергаются упражнению.

Опыты Торндайка, на основании которых он построил свой механический подход к поведению животных (и человека), подверглись очень серьезной критике со стороны ряда авторов. Высказывалось совершенно резонное соображение, что из такой чисто-механистической схемы нельзя объяснить сложного процесса поведения, которое у некоторых животных идет отнюдь не путем неорганизованных, стихийных проб и ошибок, но путем строго-целесообразной организации деятельности. Другим исследователям, на которых мы еще остановимся ниже, удалось в условиях эксперимента проследить такое целостное поведение животного при решении сложных задач и тем доказать, что при всей объективности опытов бихевиористов им не удалось избежать существенных ошибок в объяснении поведения животного и человека.

Процесс приобретения новых форм поведения и связанный с ним процесс обучения навряд ли могут быть

поняты, как простой механический процесс закрепления случайно удавшихся реакций. Особенности затруднения в попытках такого объяснения возникают, однако, в тех случаях, когда американские бихевиористы пытаются без особых поправок перенести это понимание и на человека, объясняя с такой механической точки зрения сложнейшие формы человеческого поведения.

Может ли нас удовлетворить такая теория? Может ли педагог, имеющий дело с развивающимся организмом, нацело согласиться с тем, что все новые формы сложного поведения ребенка возникают путем закрепления случайно совпавших комбинаций? Мы думаем, что всякий работавший с ребенком в его естественной обстановке не сможет удовлетвориться таким ответом.

В самом деле, если принципы, лежащие в основе поведения животного, еще могут быть истолкованы так, как это делают бихевиористы (хотя мы высказали бы серьезные сомнения и в этом), то поведение ребенка уже требует для своего объяснения несколько других принципов.

Ребенок хочет достать свою чашку или игрушку, положенную высоко на полку. Он может сначала топтать ногами, прыгать, пытаться достать игрушку и плакать при неудаче; но уже вскоре после этого он оставит путь случайных движений и пойдет по пути организованного поведения, по пути изобретения: он притащит стул и встанет на него; если стул будет недостаточен, он обратится к палке, линейке, зонтику; если и этого будет мало, он подтащит к полке стол и, поставив на него стул, достанет то, к чему он стремится.

Это поведение уже резко отличается от описанного бихевиористами: оно отнюдь не механично, здесь появляются уже совершенно новые, своеобразные формы поведения. Они отличаются тем, что будут направлены на определенную цель, они обладают весьма организованным, детерминированным характером; раз, разрешая предъявленную задачу, эта форма поведения сразу закрепляется и не требует дальнейших повторений и «подкреплений»; если в другой раз условия задачи будут изменены, поведение ребенка обнаружит

некоторую пластичность, т.-е. та же цель будет достигнута другими способами (в нашем примере: вместо стола и стула—лестница, или живая пирамида, или другое приспособление). Таким образом сложное поведение ребенка отнюдь не обнаруживает той механичности, о которой говорят бихевиористы; с усложнением нервной системы и условий организма вступают в права и качественно новые формы поведения, которые всем нам хорошо известны, как формы поведения интеллектуального. Не учитывать эти качественно новые формы поведения, характеризующие сложный детский организм, оставаться (как это пытаются сделать бихевиористы) при примитивных механических принципах в подходе к поведению—значит не учесть диалектического характера развития форм жизнедеятельности и сделать большую ошибку в подходе к анализу детской психики. Если мы хоть на минуту подумаем о тех педагогических выводах, которые можно сделать из механического понимания возникновения новых форм поведения, проповедуемого некоторыми бихевиористами, если мы учтем, что логическим выводом из этой психологической системы является педагогика учебы и механического закрепления материала, ошибки и слабые стороны этого направления в психологии будут нам ясны, и мы с уверенностью сможем сказать, что в основу нашей практики может лечь только такая психологическая система, которая объективно и вместе с тем диалектически сумеет подойти к тем формам поведения, которые мы наблюдаем у живого ребенка.

6. Общие выводы.

Как же нам относиться к этой своеобразной психологической школе? Какие моменты в ней являются для нас положительными, приемлемыми и что мы должны ставить под сомнение?

Нам думается, что из изложенного выше ответ современного русского психолога на эти вопросы будет вполне определенным.

Прежде всего необходимо сказать, что американская психология поведения в огромной степени обогатила

материал психологического исследования, подойдя к нему с принципом объективизма. То, что для многих работников в этой области являлось лишь декларацией, часто оставшейся без осуществления, американские психологи выполнили нацело: изменилось самое содержание психологии, на место трудно разрешимых, субъективных и далеких от практики проблем были поставлены другие, объективно-разрешимые и практически-важные: проблема форм поведения, врожденных и приобретаемых, проблема возникновения навыков, законов работы человека, проблема организации и дезорганизации человеческого поведения—вот что составляет теперь содержание новой объективной психологии. Совершенно ясно, что уже одно введение этих проблем в центр психологического исследования, а тем более возможность их объективного разрешения представляет собою огромную ценность для таких практических отраслей знания о человеке, какими являются педагогика, психотехника и во многих отношениях ~~педология~~. Достаточно сказать, что целый ряд изысканий в области практического упорядочения процесса воздействия на человека опирается в современной Америке именно на данные, полученные объективным исследованием форм его поведения.

И, однако, далеко не все выводы и построения американского бихэвиоризма кажутся нам полностью приемлемыми.

Первое возражение после краткого изложения основ этого направления мы сможем сделать уже с достаточной обоснованностью. Родившись из исследования поведения животных, американский бихэвиоризм непосредственно перенес методы и принципы этого исследования на человека.

Поэтому естественно, что наиболее ортодоксальные его направления (к одному из них принадлежит, например, Watson, чья система психологии переведена на русский язык) не учли, что с постепенным усложнением нервной системы и среды, в которой находится данный организм, диалектически возникают все новые и новые качественные образования, учет и изучение которых требуют введения все качественно новых и новых принципов, и что простое перенесение на человека зако-

номерностей, наблюдавшихся на животных, навряд ли может быть признано правильным.

Именно поэтому в современной американской науке мы уже слышим все чаще и чаще нотки неудовлетворения современным бихевиоризмом и его примитивными построениями, учитывающими лишь чисто-внешнее поведение и пытающимися объяснить его чисто-механически. Недостаток бихевиоризма, который сводится к тому, что он хочет включить в цикл интересующих его вопросов лишь «мышечные движения» в их внешнем проявлении, создает своеобразное положение вещей, которое один из крупных американских психологов S. Fernberger характеризует так:

«Современная психология фактически распалась на две самостоятельные дисциплины: науку о сознании и науку о поведении. ...Мы думаем, что материал психологии должен рассматриваться с различных точек зрения; нам кажется, что в настоящее время мы можем ограничиться двумя такими аспектами»¹⁾.

Мы видим, что излишний примитивизм и механичность бихевиористов нередко ведут к прямо вредным результатам: за их исследованиями в области поведения сохраняется полное признание, но на ряду с этим неудовлетворенные психологи обращаются для объяснения более сложных явлений к «науке о сознании» и попадают прямо в объятия идеалистическо-философскому подходу к сложным психологическим процессам.

Правильно построенная система психологии поведения, конечно, должна была бы избежать такого «раскола» психологии, применив для объяснения сложных процессов более сложные, хотя и столь же объективные принципы.

Особенно резко выражаются примитивные тенденции современного бихевиоризма в тех случаях, когда он пытается из примитивных биологических процессов объяснить сложнейшие социальные явления.

По такой линии идет, например, Watson. Разбирая

¹⁾ S. Fernberger. Behavior versus Introspective. „Psychology. Psychological Review“, 1922, vol 29, w 6.

инстинкты, лежащие в основе собирания и накопления¹⁾, он устанавливает, что у человека имеется наклонность, приближающая его к обезьяне, — «разбрасывающий тип поведения». Пример, иллюстрирующий действие этой врожденной тенденции, у Уотсона следующий: «Страховая статистика показывает, что только около 4-х процентов 60-летних мужчин «накопили» достаточный капитал, который мог бы обеспечить им доход на остаток их жизни»...

Трудно придумать пример, ярче этого убеждающий нас в исключительной наивности примитивно-биологического подхода к сложным явлениям психики, стремящегося и социальные образования (как, напр., обогащение, накопление, капитализм (!)) объяснить действием примитивных биологических тенденций.

Однако мы можем привести здесь еще более разительный пример: некоторые из американских бихевиористов думают объяснить огромной сложности социальные явления даже из физико-химических закономерностей.

Вот что говорит один из них, несколько раз цитированный нами А. Weiss²⁾:

«Социальная эволюция — лишь более сложная форма органической эволюции; она ни в коем случае не является чем-то большим, нежели объекты математики, физики, химии.

Содержат ли наши учебники физики уравнения, выражающие те отношения электронов — протонов, которые помогли бы описать физические принципы, лежащие в основе демократии?

Я не знаю, но я думаю, что такие уравнения могут быть открыты»...

Вряд ли следует серьезно критиковать такие «эккурсы». Мы привели этот пример лишь потому, что считаем его далеко не случайным и характерным для примитивно объективистского, механического подхода, с помощью которого бихевиористы пытаются решить сложнейшие жизненные проблемы.

¹⁾ Ср. Уотсон. Психология как наука о поведении. ГИЗ, 1926, стр. 236.

²⁾ А. Weiss. Behaviorism and Behavior. „Psychological Review“, 1924, № 2, p. 147/8.

После сказанного нами выше одно может быть для нас с несомненностью ясно. Бихэвиоризм несомненно, уклонился в сторону механического описания человеческого поведения и не сумел полностью избежать ошибки старой ассоциативной психологии, составлявшей сложную психическую деятельность из отдельных кусочков. Обещав дать нам картину поведения человека в целом, объяснить те или иные цельные механизмы поведения, бихэвиористы, собственно, этого не делают.

В самом деле, вспомним приведенную выше схему поведения. Есть ли в ней цельная система человеческого поведения, где каждая реакция имеет свое место и все подчинено единому принципу биологического приспособления, равновесия организма со средой и т. д.?

Очевидно, такой цельности мы в этой схеме не найдем. Бихэвиорист перечисляет нам отдельные виды поведения, принципиально отдельные и не связанные друг с другом. Рядом с поведением, имеющим характер наслаждения или страха, здесь стоят чихание и отрыжка; рядом с пищевыми реакциями—рефлекс Бабинского, рядом с голосовыми реакциями—смех или эрекция penis'a. Где же тот основной принцип, который дает нам возможность понять организованную систему человеческого поведения во всем своеобразии его отдельных форм? Очевидно, он здесь отсутствует, и это не случайно.

Разбирая тот механизм, по которому создаются новые формы поведения, бихэвиорист всецело становится на точку зрения их механического наслаивания, зависящего, в конце-концов, от случайного совпадения внешних условий.

Спросим, однако, себя, бывает ли так в действительной жизни? Возникает ли страх перед змеями только потому, что когда-нибудь и где-нибудь вид змеи совпадал с «резким шумом или потерей равновесия»? Действуют ли животные, обучаясь новым формам поведения исключительно как автоматы ¹⁾? Бузусловно такая

¹⁾ С этой точки зрения остроумную критику behaviorism'a дал W. Mc. Dougall в статье „Men or Robots?“ Pedagogical Seminary, 1926, March.

упрощенная механическая точка зрения, утверждающая, что все сложные формы поведения возникают как механическая надстройка, «условное» дублирование примитивных реакций является и неверной, и недостаточной. Механическое мировоззрение не учитывает здесь ни своеобразия таких новых форм поведения, ни того, что они возникают каждый раз не «в отдельности», но в зависимости от биологической установки всего организма, организуются и регулируются им.

Из такого положения исходило другое направление современной психологии, давшее серьезную критику механического мировоззрения и упрощенно-атомистического подхода к психике, — так наз. целостная психология, или «Gestaltpsychologie».

Р.С.А. IV. Современная целостная психология — „Gestaltpsychologie“.

1. Принципы целостной психологии.

Мы говорили, что современная психология поведения возникла в противовес субъективным основам прежней психологии и постаралась заменить их новым, объективным подходом к своему предмету.

Современная целостная психология возникла в противовес другой, отмеченной нами выше, черте эмпирической психологии, ее «мозаичности», ее стремлению разложить всю психическую жизнь на отдельные элементы, и обратно — из этих элементов сложить цельную психическую деятельность.

Неудовлетворенность такой мозаичной психологией возникла в науке уже довольно давно. Целый ряд направлений критического периода в немецкой психологии указывал на то, что психические процессы лишь с большим трудом можно разлагать на отдельные части и что наиболее сложные и характерные психологические явления при таком разложении упускаются из вида. Такие положения были выдвинуты так наз. «психологией актов и функций» ¹⁾, указывавшей на наличие моментов слож-

¹⁾ Cp. K. Stumpf. Psychische Erscheinungen und Funktionen.

ных и неподдающихся механическому объяснению; так наз. «Вюрцбургская школа» в психологии ¹⁾, на основании изучения сложнейших мыслительных процессов указала, что в них почти невозможно выделить каких-либо определенных элементов ощущений, восприятий и т. д. и что мышление, собственно, представляет собою сложный целостный процесс, часто бессловесный и «безобразный».

Однако все эти критические попытки (кончая известной «феноменологией» Гуссерля) не выходили обычно из пределов весьма общих рассуждений и не создавали положительной системы, основанной на объективно-экспериментальных исследованиях.

Такую задачу поставило себе новое направление в современной немецкой психологии, родившееся еще в 1912 г. ²⁾, оформившееся за последние 5—6 лет и называющее себя своеобразным именем «Gestaltpsychologie» (буквально — психология формы, или структурная психология).

Основоположников этого направления, немецких психологов М. Wertheimer'a, W. Köhler'a и К. Koffka объединило одно основное положение: они все исходили из того, что сложные процессы нервно-психической жизни дают нам качественные образования, которые отнюдь нельзя просто механически разложить на составляющие «элементы». Однако из такого положения эти ученые отнюдь не сделали выводов, которые до них были сделаны учеными, примыкавшими к различным направлениям эмпирической психологии: они не сказали, что психические процессы нельзя разложить на части потому, что в них привносится что-то потустороннее («жизненная сила», «душа» и т. п.); их утверждение было совсем иное. Сторонники этого направления полагают, что вообще всякая вещь имеет свою структуру и что эта структура часто не может быть разложена на

¹⁾ Ср. К. Koffka. Zur Analyse der Wortvorstellungen. 1912. См. также работы Külpe, Messer'a, Ach'a, Bühler'a.

²⁾ Мы считаем эту дату с момента появления классических работ М. Wertheimer'a „Über das Sehen von Bewegungen“, Zeitschrift f. Psychologie, 1912.

части, на «элементы» без того, чтоб самая вещь не потеряла своего своеобразия.

Возьмем мыльный пузырь. Он представляет собою определенную структуру и является одним целым. Мы можем сколько угодно пробовать разрезать его на части, вынуть из него кусочек и т. д.—это нам не удастся. Мыльный пузырь или существует как таковой, или перестает существовать, разделяется на брызги, имеющие уже свою, другую структуру. Вещи физического мира в большинстве случаев являются оформленными, и эта оформленность имеет свои специфические, внутренние законы ¹⁾.

Столь же оформленными являются процессы жизненного порядка несравненно более сложные и своеобразные именно благодаря своей сложности. Эти явления не вносят ничего принципиально нового в ряд физико-химических процессов, но качественно отличаются от них благодаря тому, что их структура соответствует усложнившимся условиям, в которых они развиваются.

Тут мы можем наблюдать те же явления. Биологическое целое нельзя механически разделить на части; тем менее его можно создать и объяснить из функции простых частей. Дерево нельзя объяснить, как сумму листьев, корней, коры и древесины; наоборот, и листья, и корни, и кора вполне объяснимы, если исходить из структуры самого дерева, его положения в среде и тех путей, с помощью которых оно может сохранить необходимое равновесие с своей средой. Даже такие «частности», как характер верхней и нижней поверхности листа, можно объяснить лишь из структуры целого и среды. Во всех этих случаях целое, правда, состоит из функциональных частей, но части не определяют целого; скорее целое определяет части.

Точно так же обстоит дело и в наиболее сложной области—в области нервно-психических процессов.

Вся старая психология была, по меткому выражению Wertheimer'a, психологией «Und-Verbindungs»

¹⁾ Подробно вопрос о физических структурах разработан W. Kohler'ом в его книге „Die Physische Gestalten in Ruhe und Stationärem Zustand, 1920.

(построенной по принципу сложения через «и»); она объясняла отдельные психические процессы через механическую связь частей: ощущение и «чувство» и образы памяти и т. п.—все это создавало «психическое целое».

Такой принцип, по мнению представителей этого направления, является неправильным, а последствия его приложения—гибельными. Психические процессы, более чем процессы другого порядка, являются целостными и структурно оформленными. Из внимательного изучения их мы можем получить представления и о самой структуре их, и о внутренних закономерностях этих структур. Восприятие, интеллектуальная деятельность, поведение—все это дает нам примеры таких структурно-оформленных процессов, и пытаться понять их, не исходя из их структуры, конечно, безнадежно.

Эти принципы, стоящие в основе новой целостной психологии, конечно, повлекли за собой и необходимость введения новых методов; принцип простого анализа и разложения процесса заменился новым принципом—«функциональной методикой». Осуществление этого нового принципа оказалось плодотворным и распространилось на целый ряд областей психологии.

2. Целостный принцип в восприятии.

Новая немецкая психология начала свои работы с изучения области, которой в последнее время объективная психология поведения занималась меньше всего,—с области восприятий. Это была та область, где целостный характер процессов и необходимость их структурного изучения были наблюдаемы впервые и выявлены ярче всего. Именно здесь было не только констатировано основное положение Gestaltpsychologie, что целое определяет входящие в него части, но и прослежены основные закономерности этих «структур».

Старая психология полагала, что наши восприятия складываются из отдельных простейших ощущений, как мозаика складывается из отдельных цветных квадратов. Так, зрительное поле представляет собою, по мнению классической психологии, такое поле отдельных

«точечных» раздражений; когда мы видим картину, мы в реальности видим отдельные окрашенные и неокрашенные точки, которые затем уже объединяются в одну сумму—воспринимаемый нами образ. Таким образом каждое сложное зрительное восприятие в конце-концов является лишь суммой, мозаикой отдельных ощущений, лишенной внутренней цельности и механически связанной в одну картину. Правда, в отдельных случаях психологи старой школы чувствовали, что в области восприятия дело обстоит не совсем так, что там есть какие-то свои внутренние законы; это чувствовалось особенно тогда, когда на поле разбросанных в беспорядке точек испытуемый видел какие-то фигуры, когда причудливое и бесформенное черное пятно им воспринималось как комбинация каких-то форм. Однако эти случаи психологи склонны были толковать, как случайности, как не поддающиеся точному изучению продукты фантазии, иллюзии.

Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что такой взгляд в корне неправилен. То, что считалось случайными «иллюзиями», в самом деле оказалось совершенно закономерными психическими процессами, имеющими глубокие принципиальные основания.

Оказалось, что старая психология, исходившая из простейших элементов и строившая из них сложное здание психических процессов, в корне права, что первичными, основными являются не эти «простейшие» ощущения, но уже сложные образования, которыми личность в целом реагирует на внешний мир.

Если вы покажете кому-нибудь фигуру, состоящую из нескольких, в определенном порядке расположенных точек (рис. 3), и спросите, что это такое, то навряд ли кто-нибудь ответит вам, что это—шесть точек; обычным ответом будет, что на бумаге точками намечен шестиугольник.

Если, дальше, вы нарисуете другой рисунок (рис. 4), то вряд ли кто-нибудь скажет, что на рисунке он видит шесть прямых линий; каждый нормальный человек склонен будет воспринять их, как структуру, как форму, причем форму совершенно определенную: он соединит линии *a* и *b*, *c* и *d*, *e* и *f* и скажет, что на ри-

сунке изображены три пары параллельных линий или три дорожки. Тенденция соединить эти линии как-нибудь иначе, например, линию *a* с линией *d*, а *b* с *c*, встретится значительно реже; восприятие этих линий без всякого оформления навряд ли встретится у кого-нибудь из испытуемых.

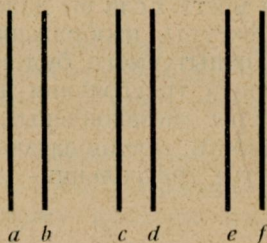

Рис. 3.

Рис. 4.

Уже эти примеры показывают нам, что даже простейшие стимулы действуют на нас не чисто-механически, воспринимаются не как сумма отдельных элементарных ощущений, но воспринимаются, как оформленные, целостные процессы, подчиненные определенным внутренним закономерностям.

Так, например, если мы возьмем фигуру, уже рассмотренную нами выше (рис. № 3), и изменим ее лишь, прибавив к ней несколько точек (см. рис. № 5), то всякий человек, которому мы при помощи экспозиционного аппарата быстро покажем эту группу точек, скажет, что он видит на бумаге нарисованный точками круг. Психологи новой немецкой целостной школы говорят в таких случаях, что мы имеем здесь совершенно закономерную тенденцию «амплификации», т.е. тенденцию воспринимать определенную систему точек, как наиболее совершенную и полную (вместе с тем и «простую») фигуру.

Рис. 5.

Первичным оказывается таким образом не восприятие отдельных элементарных ощущений, а восприятие форм, структур, и наша психическая жизнь оказывается построенной именно по такому «структурному» принципу. У нормального человека именно такие «формы» оказываются обычными процессами, из которых складывается поведение, и для «случайности» здесь не остается места. Если вы даже попытаете показать кому-нибудь фигуры, изображенные на рис. 6, то обычным ответом испытуемого будет, что здесь изображены незаконченный треугольник и круг. Несмотря на то, что эти фигуры «незакончены», они силой внутренней закономерности предполагают каждая свою недостающую часть; треугольник—угол (и при этом определенный

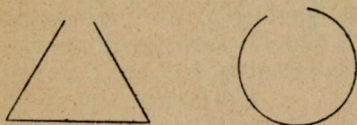

Рис. 6.

угол), круг—соответствующую часть дуги. Никто из испытуемых не будет заканчивать круг прямой линией, а треугольник округленной кривой. Каждая форма подчинена определенным за-

кономерностям структуры и не допускает в своей системе никаких «случайностей».

Такой целостный и закономерный способ восприятия существует у всех нормальных людей; он относится за счет организующей, оформляющей деятельности нервной системы; лишь при заболеваниях этой последней мы можем наблюдать случаи «распада форм» и преобладания неорганизованных, хаотических элементов в восприятии.

Два немецких автора—Gelb и Goldstein¹⁾—провели много опытов над восприятиями больных с мозговыми поражениями, и оказалось, что в этих случаях прежде всего страдала именно эта функция оформленного восприятия. Такому больному показывают в экспозиционном аппарате простой рисунок—чертеж: банку с цветами—и спрашивают, что он видит. На это больной

¹⁾ Gelb и Goldstein. Psychologische Untersuchungen hirnpathologischen Fälle. 1923.

отвечает: «Какие-то неправильные линии, что-то вроде стены с трещинами или географической карты». Оформленность восприятий у него оказывается утерянной, основная функция высшей нервной системы поражена, психика превращается в подобие того аппарата, который представляли себе старые психологи, говоря, что психика воспринимает лишь суммы отдельных элементарных раздражений.

От каких же факторов зависит восприятие таких целостных структур? Не является ли это результатом простой привычки к таким фигурам, как круг, прямоугольник и т. п.?

Опыт показывает, что дело обстоит отнюдь не так. Один из исследователей ¹⁾ в течение нескольких десятков раз предъявлял испытуемому простую фигуру—

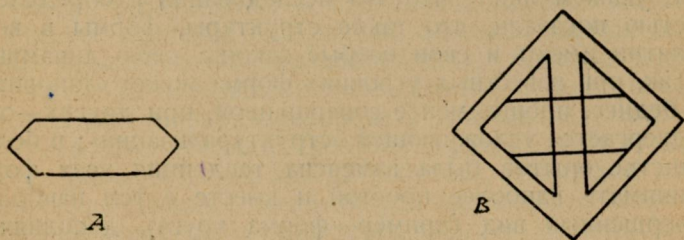

Рис. 7.

шестиугольник, изображенный на рис. 7 (А), который после многократных проявлений становился совсем привычным. Затем предъявлялась другая фигура (см. рис. 7, В). Эта фигура—более сложная, чем предыдущая, включает, однако, первую, как часть. И однако, несмотря на то, что первая фигура является привычной и закрепленной, а вторая—новой и сложной, испытуемые не только не воспринимают вторую, как первую, осложненную добавочными линиями, но даже совсем не могут найти эту простую первичную форму в сложном целом новой структуры. Этот пример очень ясно показывает, что в данных восприятия формы имеет значение отнюдь

¹⁾ Пример взят из работы К. Gottschaldt'a, проведенной им в Берлинском психологическом институте.

не привычность в отношении элементов, но особые закономерности среды, контекста этих последних.

Не только такие простые элементы, как геометрические фигуры, но и простые вещи обихода приобретают новую форму и новые качества, если они будут вставлены в другую ситуацию, другой контекст. Опытom доказано, что такой привычный предмет, как зеркало, вызывающее тенденцию посмотреться в него, теряет эту функцию, будучи вставлено в новую целостную ситуацию,—ситуацию, где оно играет роль отражающего рефлектора ¹⁾. Целая ситуация, контекст, и здесь определяет восприятие и значение отдельного предмета.

Мы не будем останавливаться на отдельных из многочисленных исследований, проведенных сторонниками целостной психологии в области изучения форм восприятия; укажем лишь, что эти исследования с определенностью показали, что такие структуры, формы в восприятии имеют и свои особые законы, свою динамику.

Так, при известных условиях форма может становиться беднее, проще, менее совершенной, при других—она подвергается усложняющей «структурализации»; в большинстве опытов была замечена тенденция всех форм принимать наиболее простой и вместе с тем наиболее совершенный вид (пример—форма круга), дополняясь для этого нехватаящими частями и соответственно изменяясь (эту тенденцию называли «амплификацией»).

3. Физиологические и физические структуры.

Являются ли эти тенденции и закономерности лишь субъективными процессами, или же их принятие обязывает нас к тому, чтобы прежде всего найти лежащие за ними такие же закономерности объективного порядка? Если мы остановимся на первом утверждении, мы неизбежно впадем в чистейший субъективизм, вернемся к Платоновскому положению об идеях, имеющих свои независимые и самостоятельные законы.

Сторонники Gestaltpsychologie, однако, вовсе не останавливаются на таком выводе, который был характерен

¹⁾ См. K. Lewin. *Vorsatz, Wille und Bedürfniss*, 1926, Springer.

для прежних психологов (Benussi, Ehrenfels); они полагают, что если наши восприятия оформлены в определенную структуру, то это является лишь признаком того, что за этим скрыты такие же структуры физиологического порядка, отражением которых являются субъективные «феноменологически»-воспринятые формы. Авторы эти полагают, что если мы зрительно воспринимаем раздражители не как элементы, а как формы,—значит, и процессы в сетчатке и в зрительной области коры происходят не мозаично, но имеют свой, целостный и структурно оформленный характер. В динамике этих физиологических процессов мы можем проследить те же закономерности, что и в области восприятий; и те и другие, очевидно, подчиняются некоторым основным законам распространения нервного возбуждения и стремления нервной системы.

Именно изучение восприятий, основывающееся на таком монистическом предположении, привело ученых этой школы к созданию совершенно новых взглядов на строение и закономерности в деятельности нервной системы. Эти взгляды сводятся прежде всего к тому, что нервная система всегда работает, как целое, и что для осуществления каких-нибудь движений и актов поведения вовсе не нужно предполагать наличие определенных местных возбуждений с последовательной ассоциативной «увязкой» их. Любые условия, в которые попадает организм, могут вызвать целостные и пластичные изменения организма (и его поведения), целостные изменения во всей нервной системе, которые уже затем могут (опять-таки в силу определенных условий ситуации и структуры процесса) локализоваться, изменяться, принимать определенные формы и т. д. В этой динамике оформления нервного возбуждения, по мнению этих авторов, принимают участие те же основные законы, которые проявляются и в деятельности восприятия. Так, по мнению одного из авторов, как в деятельности нервной системы, так и в восприятии играет роль тот факт, что возбуждение неодинаково распространяется по всем участкам нервной системы (в зависимости от «близости» и «адекватности» данного раздражения), вследствие чего создаются доминантные системы

и системы, которые можно назвать «фоном» основного протекающего процесса; в оформлении нервного возбуждения играют роль такие факторы, как влияние предшествующего состояния функционирующей системы и остального «фона», наличие инерции начавшихся процессов, закономерности степеней напряжения процессов, влияние противоположных импульсов и т. д. Все это создает сложнейшую, но обладающую строгими внутренними закономерностями систему деятельности ¹⁾).

Авторы, пытавшиеся установить характер этих закономерностей, высказались за дальнейшее предположение: по их мнению, эти закономерности не ограничиваются лишь физиологическими процессами, но встречаются также в явлениях чисто-физического порядка. Возьмем для примера законы поверхностного натяжения. Мыльная пленка под влиянием вдуваемого воздуха принимает определенную, наиболее совершенную и экономную форму—форму шара; если мы на такую же пленку, натянутую на рамку, положим нитяную петлю, она расположится неправильной фигурой; но если для того, чтоб поставить ее под влияние сил поверхностного натяжения, мы проколем пленку в середине петли, она примет тотчас же новую форму—опять-таки наиболее совершенную форму круга.

В своей известной работе Köhler ²⁾ приводит много примеров из других областей физики, напр., электростатики, указывающих на то, что и там действуют определенные структурные законы и что важнейшие из них можно одинаково проследить в самых разнообразных областях.

Все эти данные говорят нам о том, что исследователи новой немецкой школы нашли некоторые реальные закономерности, не являющиеся специфическими для психологии, но охватывающие несравненно более широкий круг явлений и в огромной степени сближающие психологию с другими чисто-натуралистическими науками.

¹⁾ Подробно см. эти данные у К. Goldstein'a *Zur Theorie der Funktion des Nervensystems. Archiv f. Psychiatrie*, Bd. 74, 370—408, и *Das Symptom, seine Entstehung und Bedeutung für unsere Auffassung vom Bau u. von der Funktion des Nervensystems. Idem.* Bd. 76.

²⁾ Köhler. *Die physische Gestalten in Ruhe und Stationärem Zustand.*

4. Интеллектуальное поведение.

Опыты Köhler'a с обезьянами.

Сторонники целостной психологии не ограничились своими интересами лишь областью восприятий и лежащих за ними физиологических закономерностей; они попытались проанализировать и такие сложнейшие виды поведения, какими являются сложное обучение, приспособление к сложным жизненным ситуациям и т. п.

Мы указывали уже раньше, что обычным для новых психологов объективного направления, изучавших процессы обучения новым видам поведения, был механический подход к этим явлениям; они были уверены, что приобретения новых видов поведения собственно не существует, что сложные приспособления к новым ситуациям сводятся лишь к комбинациям простых рефлекторных (врожденных) движений и что постепенное закрепление новых навыков происходит путем повторения этих механических сочетаний.

Такое механическое объяснение сторонники «Gestalt-psychologie» считают для себя неприемлемым. Они полагают, что объяснить сложное поведение из простого сочетания рефлексов нельзя, что, наоборот, отдельные реакции и действия являются лишь деталями, определяемыми цельной установкой животного, и что само поведение в данном случае является функцией всей той цельной ситуации, в которую животное попадает. Это положение становится очевидным при внимательном рассмотрении животного. В самом деле, поведение животного направлено всегда к достижению какой-либо задачи (все равно — положительной или отрицательной); каждая ситуация тем или иным путем действует на инстинкты животного и пробуждает соответственные импульсы; эти импульсы могут осуществляться самыми различными по своему характеру движениями, имеющими лишь то общее, что при всей своей пластичности они все же направлены на выполнение задачи, т. е. внешне носят целесообразный характер. Так, обезьяна, которая пытается достать плод, удовлетворяющий ее голод, может для этого влезть на дерево, мо-

жет сшибить плод камнем или начать трясти дерево, или же, наконец, прибегнуть к помощи орудия—палки. Во всех этих случаях мы будем иметь физиологически совершенно различные движения, имеющие, однако, один общий момент—направленность их к осуществлению определенной задачи. В таких случаях сказать, что «животное пытается достать плод»,—значит гораздо лучше объяснить поведение животного, чем вывести формулу движения его четырех конечностей.

Однако признать, что наиболее правильным и адекватным объяснением поведения животного будет его целостное описание,—значит ли это вводить в понимание этого поведения «представление цели», «сознание животного» и т. п.? Авторы этого направления вовсе не считают такой выход обязательным. Исследуя поведение животного, они находят в нем вполне определенные закономерности, позволяющие и при таком целостном наблюдении сохранить полную объективность подхода. Вместо того чтоб вводить в объяснение сложного поведения понятие «души» или «сознания», новая целостная психология предпочитает внимательно изучать, как ведет себя животное при тех или иных условиях, и обнаруживать вполне точные структурные особенности ситуации, объясняя целиком из них сложное поведение животного.

Эти задачи были блестяще выполнены одним из виднейших немецких психологов—W. Köhler'ом в его классических опытах с интеллектуальным поведением обезьяны ¹⁾).

Помещая обезьяну в совершенно естественную обстановку, Köhler вместе с тем ставил ее перед определенной задачей, которая могла быть разрешена только при условии выработки обезьяной какого-нибудь специфического, нового вида поведения.

Так, например, в одном из своих опытов он помещал обезьяну в отгороженную площадку, где очень высоко был подвешен плод (банан), так что обезьяна ни непосредственно, ни прыгая, не могла достать его. Тут

¹⁾ W. Köhler. *Intelligenzprüfungen an Menschenaffen*. 2 Aufl. Berlin, Springer, 1921.

же на площадке, однако, были несколько ящиков, поставив которые друг на друга, обезьяна могла достать плод.

Наблюдая за обезьяной, Köhler заметил, что ее поведение оказывалось весьма своеобразным: обезьяна сначала бегала, прыгала, производила ряд бессмысленных движений, затем внезапно успокаивалась, затихала, шла к ящикам и непосредственно выполняла задачу, ставя их один на другой и выполняя таким образом план. О случайности или механичности таких действий говорить не приходится: они носят на себе отпечаток строгой организованности и планомерности. Характерно, что в таких случаях раз достигнутое решение задачи уже не забывается, и в следующий раз обезьяна непосредственно, без задержки, выполняет весь цикл сложных действий.

Иногда задача еще усложнялась. На рисунке 8 схематически представлена такая ситуация.

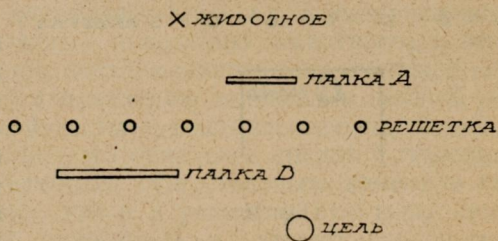

Рис. 8.

Животное находится за решеткой; вне решетки лежит плод. Голодное животное не может достать его непосредственно, не может достать его и палкой А, лежащей тут же, за решеткой. Для выполнения задачи ему нужно сначала достать с помощью палки А палку В, лежащую за решеткой, вставить их одну в другую и уже затем достать плод. Через некоторое время обезьяна обычно выполняет эту задачу, и это выполнение происходит по той же схеме, что и выполнение первой задачи: сначала много лишних движений, затем торможение — и внезапное, но совершенно организованное, планомерное, «готовое» решение, которое затем уже не забывается.

Что именно такая сложная организованная деятельность здесь безусловно имеется налицо и что меха-

ническое случайное. или неорганизованное овладение плодом здесь исключается, доказывается другим опытом, который мы здесь упомянем. Животное, находящееся в клетке (см. схему на рис. 9), видит плод в стоящем по ту сторону решетки ящике. Однако у ящика высокая стенка — и плод достать непосредственно нельзя. Для осуществления задачи есть лишь один путь: с помощью палки продвинуть плод к задней, отсутствующей стенке, вывести его наружу, подкатить к решетке и затем уже взять его, т.-е. совершить сложное действие и, затормозив первоначальный импульс, дви-

Х ЖИВОТНОЕ

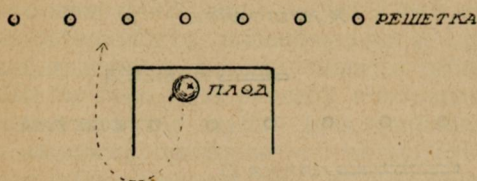

Рис. 9.

гать сначала плод от себя, имея в виду последующее овладение им.

Такой цикл действий механически осуществлен быть не может, и единственный путь его осуществления — это сложная, планомерная деятельность. Однако обе-

зьяна с успехом осуществляет ее, причем осуществляет по той же схеме, какая была отмечена нами выше.

Как же найти пути к объяснению таких сложных процессов? Одна вариация опытов дает нам на это определенный ответ. Дело в том, что во всех этих случаях было осуществлено одно общее условие: и цель, и орудие находились в одном зрительном поле или при движущемся взгляде животного оказались в нем расположенными непосредственно друг за другом.

Если же опыт производится иначе и орудие и цель помещаются в различных зрительных полях, задача сразу непомерно затрудняется и становится почти невыполнимой.

Все это говорит за то, что главнейшим фактором в формировании таких сложных организованных актов поведения является фактор структуры зрительного поля. При известном развитии мозгового аппарата эта

структура начинает восприниматься с достаточной отчетливостью, ее составляющие части воспринимаются именно как «имеющие отношение друг к другу». Исчезновение такой цельности зрительной структуры неизбежно влечет за собой исчезновение сложного, структурно-оформленного «интеллектуального» поведения. Интеллект животного оказывается результатом структурно-оформленной среды, падающей на почву достаточно подготовленного мозга.

Весьма важным является тот факт, что благодаря структуре ситуации, объединяющей в одно целое объект, к которому стремится животное, и способу, с помощью которых оно может овладеть им, здесь впервые создается отношение к объектам внешней среды как к орудиям. Этот инструментальный характер поведения присущ, как нам доказывает Köhler, всякому сложному «интеллектуальному» поведению животного; в этом отношении поведение высших животных в огромной степени приближается к поведению человека, и лишний раз подчеркивается то известное, выставленное еще Фр. Энгельсом положение, что овладение средой с помощью орудий является наиболее существенным моментом как в развитии психики, так и в развитии культуры. Этот инструментальный принцип¹⁾ и создает совершенно специфические формы поведения, целостные по самой своей натуре, отражающие определенную стадию количественного усложнения мозговой организации и среды и вместе с тем качественно новые, несводимые к механическому сочетанию отдельных рефлексов или примитивных двигательных форм.

5. Целостные исследования поведения человека.

Основываясь на главнейших закономерностях, установленных при наблюдении над поведением обезьяны, отдельные представители немецкой целостной психологии задались целью применить эти принципы к изуче-

¹⁾ О нем подробнее см. в курсе психологии Л. С. Выготского (готовится к печати).

нию поведения подрастающего и взрослого человека. Рядом с задачами генетическими (проследить моменты и формы проявления сложного поведения в процессе развития человека) пред этими исследователями встали и задачи систематического порядка: установление основных закономерностей, «структур» этого сложного человеческого поведения.

Исследования целого ряда авторов показали, что проведенные Köhler'ом исследования находят свое подтверждение и в опытах с детьми. Естественное поведение ребенка обнаружило те же закономерности; удалось с точностью установить, что ребенок воспринимает среду, как цельную структуру, и что с некоторого возраста его примитивно-инстинктивное поведение переходит в некоторую более сложную форму организации, становясь поведением интеллектуальным.

Так, очень остроумной серией опытов было показано, что ребенок уже с самого раннего возраста обнаруживает в восприятии среды те целостные моменты, которые раньше психологи склонны были приписывать лишь сложной сознательной деятельности. Обычно было принято мнение, что ребенок реагирует непосредственно на данный ему раздражитель, что среда состоит из ряда отдельных раздражителей, а поведение—из ряда простых рефлексов на эти раздражители. На деле оказалось, процесс никогда не оказывается таким простым. Уже животные часто воспринимают среду, как структуру, и реагируют не просто на раздражители, а на отношение этих раздражителей. В опыте, который повторял Köhler'овские опыты с курами, ряд исследователей шли по такому пути: они сначала воспитывали реакции ребенка на определенный цвет; ребенок приучался прямо тянуться к ящику ровного серого цвета, в котором лежал интересующий его предмет; рядом с ним стоял пустой несколько более светлый ящик, на который у ребенка, естественно, воспитывалась отрицательная реакция. Когда, однако, рядом с первым ящиком ставился другой, более темный, ребенок резко менял свою реакцию, направляясь уже не к тому ящику, к которому он тянулся раньше, но к другому—более темному, занимающему по отношению к ящику А то же место,

которое он сам занимал раньше к более светлому ящику В. Ребенок реагировал здесь не на абсолютный раздражитель, но на отношение раздражителей, на простейшую структуру среды ¹⁾.

Такие опыты ставились с трехлетним ребенком. С трехлетками же ставился и ряд других опытов, имевших в виду уже проявление более сложных видов поведения. Так, Н. Воген ²⁾ с очевидностью показала, что целостные восприятия детей приобретают особое значение в тех случаях, когда часть структуры связывается с целью, к которой стремится ребенок, и начинает восприниматься как орудие, инструмент для достижения означенной цели.

Так, например, маленькому ребенку предъявляют ряд ниток, одна из которых привязана к интересующему ребенка объекту (яблоку, мячику и т. п.) (см. рис. 10). Уже с довольно раннего возраста ребенок обнаруживает тенденцию переставать пытаться непосредственно достать данный объект, но воспользоваться нитью, как орудием, принять ее функциональное единство с «целевым» объектом и с ее помощью достичь эту цель.

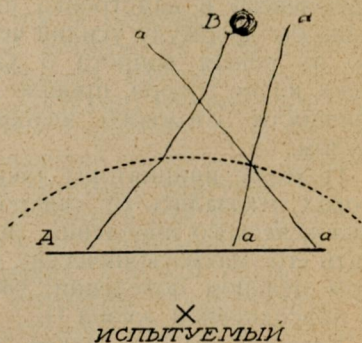

Рис. 10. Пунктиром обозначен предел достижения руки испытуемого. *AB* — нить с прикрепленным объектом; *aa* — холостые нити; *B* — цель.

Мы не станем перечислять всех опытов, которые ставились над поведением детей с целью выяснить наличие в нем тех целостных моментов, которые были установлены Köhler'ом у обезьян: можно сказать, что в общем и целом эти законы наблюдаются у детей уже

¹⁾ Сходные опыты были проведены в лаборатории автора при Академии коммунистического воспитания и будут опубликованы в трудах лаборатории.

²⁾ О. Lipmann и Н. Vogen—Naive Physik, 1923.

с довольно раннего возраста, и нормальный дошкольный ребенок обнаруживает уже все признаки того целостного и планомерного поведения, характерной чертой которого является организованное достижение цели и употребление соответствующих орудий ¹⁾.

Естественно, что после таких исследований, проведенных на детском материале, возникла потребность проследить и подробно изучить естественное поведение взрослого человека, установить его факторы и структуру.

Конечно, такую задачу нельзя было решить сразу нацело; сложное поведение оказалось недоступным непосредственному анализу и разложению на отдельные «рефлексы» и надстройки над ними. Такое разложение дало бы «формулу усилий четырех ног собаки», несколько не решая вопроса о характере и направлении ее бега, иначе говоря, прошло бы совершенно мимо специфики сложного человеческого поведения в его целом.

Поэтому инициаторы таких исследований на первых порах отказались от «микроскопического» исследования человеческого поведения, решив сначала детально описать его «макроскопически», остановившись на естественном цельном поведении, часто так, как оно протекает в повседневной жизни ²⁾.

Естественно, что такая постановка вопроса должна была резко изменить и форму классического психологического эксперимента. Вместо обычного лабораторного опыта, ставящего испытуемого в весьма искусственные условия и проводящего в этих неизменных условиях большое количество опытов, которые затем статистически обрабатываются, мы видим совершенно новый тип методики.

Прежде всего исследователи дают испытуемому какую-либо естественную задачу, не вырывающую испытуемого из его обычных условий; при этой естественной ситуации, которую они часто и организованно изменяют, исследователи стараются вызвать функцио-

¹⁾ Ср. подробные указания у Lipmann и Bogen, Naive Physik.

²⁾ Ср. K. Lewin. Vorsatz, Wille und Bedürfniss. 1926, I.

нальные изменения в поведении испытуемого; обычно лучше всего удаются те опыты, в которых испытуемый сам не подозревает о той функции, которая подвергается наблюдению, и, сам того не замечая, «попадает в ловушку», дает экспериментатору нужный тому материал.

Целый ряд блестящих исследований, проводимых в самое последнее время в Берлинском психологическом институте под руководством Dr. K. Lewin'a, ставит себе задачей исследование тех факторов, которые влияют на нормальное, повседневное поведение человека.

Если пытаться схематично указать на основные из этих факторов, можно разбить их на три основные группы: 1. Прежде всего испытуемый действует под влиянием тех условий среды, которые на него влияют; эти условия составляют ситуацию, которая (как показал и Köhler в опытах с обезьянами) оказывается всегда оформлена в определенную структуру. 2. В поведении испытуемого огромное значение имеют и внутренние стимулы, толкающие его на активные действия; они в конечном счете сводятся к влечениям или потребностям или «псевдо-потребностям» и выражаются в обычном поведении в задачах, целях, которые ставит себе испытуемый и которые он стремится осуществлять. 3. Наконец, на поведение испытуемого оказывает влияние и весь тот динамический аспект, который выражается в состоянии его психики в данный момент (степень насыщенности потребностей, законченность или незаконченность действий, прежний опыт и т. п.).

Все эти моменты и учитываются представителями Gestaltpsychologie при их целостном анализе данных поведения испытуемого.

Остановимся на некоторых из этих экспериментов ¹⁾.

Среда, как мы уже указывали выше, состоит из определенных стимулов, из вещей. Вещи оформляются в ситуацию. Как же действуют они на испытуемого, и

¹⁾ Большинство из них еще не опубликованы. Часть приведена в книжке K. Lewin'a—Vorsatz, Wille und Bedürfniss. Мы имели возможность наблюдать эти эксперименты во время пребывания в Берлине осенью 1925 года.

меняется ли это действие при изменении цельной ситуации?

Все эти вопросы легче всего решить при изучении простого спонтанного поведения, протекающего в определенной обстановке и лишенного характера осуществления задачи. Такой именно опыт был осуществлен одним из сотрудников Берлинского психологического института—Dr. Fränkel'ем.

Испытуемый приводился в комнату, предназначенную для эксперимента; обстановка ее была проста: стол со стулом, на столе—несколько предметов (зеркало и др.), недалеко от стола—аппарат (маятник), на стене—картина. Экспериментатор давал испытуемому краткую работу, а сам незаметно выходил из комнаты. Закончив работу, испытуемый начинал ждать, т.-е. фактически оставался без дела, без задачи, которую он должен был осуществить. Здесь сразу же сказался своеобразный «активный характер» окружающих испытуемого вещей. Каждая вещь как бы толкала испытуемого на то, чтоб он занялся ей: он должен был посмотреться в зеркало, потрогать маятник, разглядеть картину и т. п. Экспериментатор, незаметно наблюдавший в это время за испытуемым из смежного помещения, мог точно констатировать, как сменялись друг за другом такие манипулирования отдельными вещами; вещи, как оказывалось, «вступали в конкуренцию» друг с другом, испытуемый часто колебался между тенденциями потрогать одну и посмотреть на другую и т. д. Наконец, наблюдалось и то, что каждая манипуляция с вещами подвергается своеобразному процессу «пресыщения», после чего наступает естественный переход к другой вещи и другой деятельности.

Всего интереснее, однако, оказалось то, что влияние вещи оказалось в тесной зависимости от ситуации, в которую входила эта вещь. Так, зеркало всегда привлекало испытуемого к тому, чтобы посмотреться в него. Однако, когда экспериментатор давал испытуемому в руки то же зеркало с просьбой навести зайчик на определенное место стены, это зеркало приобретало новые функции (рефлектора) и лишалось своего прежнего значения: ни один из испытуемых не сделал попытки смо-

гаться в него как в зеркало. Отдельные части среды оказались таким образом не самостоятельными агентами, но лишь частями определенной структуры, причем частями, зависящими от нее.

Рассматривая организованные действия и стимулирующие их потребности, эти авторы установили целый ряд эмпирически-важных закономерностей. Указанное нами «пресыщение» деятельностью и переход к новой деятельности оказался далеко не случайным; удалось установить, что пресыщение может в некоторых случаях идти так далеко, что принимает вид специфического утомления: испытуемый оказывается совершенно не в состоянии продолжать данную деятельность, хотя с готовностью продолжает другую (опыты Karsten). С другой стороны, при ряде условий даже безразличная деятельность обнаруживает вполне определенную тенденцию продолжиться и закончиться; возникает как бы «временная потребность» (Quasi-Bedürfniss), толкающая на завершение начатой деятельности; это, например, обнаруживается тогда, когда некоторая деятельность, преследующая определенную задачу, прерывается до завершения этой задачи; в таких случаях уже достаточно простого прерывания деятельности, чтобы испытуемый начал обнаруживать упорную тенденцию закончить прерванный цикл действий (опыты Овсянкиной в Берл. психол. инстит.). Наконец, характерно, что данные прерванные действия оставляют на психике испытуемого значительно больший след, чем действия завершённые, отреагированные. В опытах Зейгарник испытуемые, проделывавшие ряд действий (окрашенных интересом и монотонных), обычно запоминали из него лишь действия интересные и действия прерванные. Все это говорит о том, что каждое действие можно рассматривать, как цельную, расположенную во времени структуру, которая обнаруживает тенденцию завершаться, если она прервана на каком-либо моменте.

Интересно, что эта структура деятельности обнаруживает некоторую пластичность; примером этого могут служить данные, полученные из ряда интересных опытов, проведенных в том же институте Т. В. Дем-

б о. В этих опытах исследователь воспитывает у испытуемого определенную деятельность, стимулируемую интересом; испытуемый должен научиться попадать деревянными кольцами на бутылку, расположенную в 5—6 шагах от него. Опыт должен вестись до тех пор, пока испытуемый не приучится попадать в цель десять раз под ряд. Когда испытуемый начинает приближаться к указанному пределу, экспериментатор начинает сбрасывать долетающие до цели кольца, мешая им попадать на бутылку. Испытуемый, деятельность которого успела к тому времени приобрести достаточно эмоциональный и устойчивый характер, начинает проявлять естественные признаки раздражения и обнаруживает тенденцию, весьма своеобразно подчеркивающую навязчивый характер и пластичность данного процесса: он начинает бросать кольца на другие острые предметы, находящиеся в комнате (бутылки, стоящие на окне, палки, выступы вешалки и т. п.). Это «перенесение» деятельности весьма ярко показывает, что здесь мы сталкиваемся с весьма пластичным характером поведения и что данная установка, при известных условиях, может целиком переноситься на замещающие, суррогатные объекты, которые организм себе «подбирает».

Мы не будем перечислять других весьма остроумных опытов, проводимых под руководством Dr. Lewin'a в Берлинском психологическом институте; все они, являясь пионерскими в деле целостного изучения сложного поведения, дают основание надеяться, что со временем они развернутся в большую и серьезную струю. Из сказанного нами уже ясна их основная установка и характерная методика: все это сводится к единой задаче—проследить естественное и целостное поведение человека, как оно проявляется в обычной жизни, не подвергая его ношу непосредственного расчленяющего и «атомизирующего» расчленения.

6. Общие выводы. Педагогическая практика.

В противоположность старой ассоциативной психологии новая немецкая целостная психология—«Gestalt-

psychologie»—поставила себе целью исследовать цельные формы поведения человека; найдя для этого серьезную базу в исследовании структурных процессов вообще, она увидела, что основной принцип прежней психологии—«части всегда объясняют целое»—следовало бы поставить на голову, сказав, что в действительности всегда «целое объясняет части». Каждое такое «целое» в поведении имеет свою специфическую структуру, внутренне-закономерную; такие данные новыми немецкими психологами с особенной ясностью установлены для двух важнейших областей психологии: учения о восприятии человека и структуре воспринимаемого поля (зрительного или слухового) и учения о поведении человека. И там и здесь, как было обнаружено исследователями этой школы, целостный процесс отнюдь не складывался из частей, но своей структурой определял отдельные элементы восприятия или поведения.

Как же эти основные положения проявляются в жизненной практике, и в первую очередь в той практике, которая ближе всего стоит к психологической мысли: в практике педагогической?

Для сравнительной иллюстрации мы возьмем лишь две педагогических проблемы, связанных—одна с областью восприятия, другая с общим изучением поведения.

Первая из них—проблема обучения в той ее части, которая непосредственно связана с материалом, изучаемым ребенком.

Если бы мы захотели построить обучение чтению или школьную программу на данных последовательной ассоциативной психологии, мы сказали бы: самый правильный путь для этого—заставлять ученика усвоить раньше элементы (напр., буквы), повторяя, заучить их, и дальше—научиться комбинировать, ассоциативно связывать их, составлять из них слова и фразы.

Основываясь на данных новой целостной психологии, мы должны идти как раз обратным путем: мы знаем, что в восприятии целое определяет часть, что воспринимается всегда целая структура, что даже при показанной в тахистоскопе фразе:

«просят не разгоривать»

каждый прочтет «просят не разговаривать»; мы знаем, наконец, что такие феномены объясняются не только привычкой, но и тем, что все слова воспринимаются нами, как некие цельные структуры. Взяв за основу новую целостную психологию, мы должны будем признать, что единственно правильным путем в обучении чтению будет путь обучения целым словам, как целым формам. Исходя из этих же данных, мы поймем и те законы, по которым протекают детские ошибки при письме и чтении. Исходя из них, мы, наконец, сможем на научном основании разрешить вопрос о правильном комплексном (или, вернее, структурном) планировании школьных программ, последовательности уроков и вопросов и т. п.

У нас нет возможности останавливаться здесь подробно на всех педагогических проблемах, которым новая немецкая психология может прийти на помощь; остановимся лишь вскользь еще на одной.

Если поведение человека действительно сводится к простому механическому комбинированию отдельных врожденных тенденций, если все поведение сводится к сочетанию отдельных рефлексов и более сложных видов поведения не существует, то нужно быть последовательным и строить, исходя из этого, соответственный план воспитания, основанный на таком механическом подходе к поведению ребенка.

Вполне правильно и логично в таком случае поступает тот русский исследователь, который для отучения детей от краж кладет перед ребенком заманчивый для него предмет и при каждой попытке взять его награждает ребенка электрокожным шоком, «сочетая» его с словами «не бери». Правда, еще логичнее и последовательнее было бы здесь вернуться к старой испытанной системе телесных наказаний и розог, механически «тормозивших» вредные проявления, лишь разве немного «рационализировав» их применение. По такому пути склонен, итти Watson, который отрицает целесообразность применения физических наказаний лишь потому, что: 1) их трудно достаточно правильно и рационально дозировать, так что они могут быть недостаточны или слишком резки, и 2) так как они являют-

ся часто результатом садистических проявлений родителей ¹⁾).

Исходя из данных новой немецкой психологии, мы, конечно, никогда не могли бы сделать такого педагогического вывода. «Механическое» воздействие на поведение ребенка нас бы не увлекало. Зная, что каждый акт поведения имеет свою структуру, что при известных условиях действие может приобретать особенную устойчивость, а при других—может естественно переноситься на другие объекты, наконец, имея в виду, что каждое сложное действие ребенка имеет свои закономерности, мы, конечно, построили бы наше отношение к воспитательным задачам и методам воспитательного воздействия совсем иначе. На первый план встала бы для нас задача создать такую (рациональную для каждого возраста) структуру среды, чтобы было возможно организовано изменение деятельности ребенка и выработка педагогически-нужных новых форм поведения. Основываясь на прослеженных психологами новой немецкой школы закономерностях поведения, мы, конечно, могли бы приобрести в осуществлении этих педагогических задач достаточно твердую базу.

V. Заключение.

Современная психология переживает серьезнейший кризис. Целый ряд признаков дает возможность заключить о том, что из этого кризиса она выйдет обновленной и сильной.

Старая психология, которая особенно пышно развилась при Вундте, уже окончательно умерла; в Европе и Америке крупных представителей классической старой психологии, как она представлялась ученым прошлого и начала этого века, уже почти не существует.

Старая эмпирическая психология таила в себе самой зачатки своей гибели: изучая душевную жизнь как проявление сознания, она обрекла себя на работу исключительно неясными и недостоверными субъективными методами; ставя опыты в исключительно далекие от

¹⁾ Watson. Цит. статьи в Pedagogical Seminary, 1925, July.

жизни искусственные условия, она построила все здание психологии из абстрактных, изолированных элементарных частей—«психологических атомов».

Развивающийся экспериментальный метод и растущие потребности практики поставили перед современной психологией две основных задачи:

1) объективное изучение человеческого поведения и

2) выяснение целостных законов сложных и естественных форм поведения человека.

Осуществлению этих двух задач и посвятила себя современная психология в лице двух ее наиболее важных направлений.

Американская психология поведения (бихэвиоризм) начала с критики субъективных основ старой психологии и поставила себе задачей построить систему объективного изучения поведения.

Новая немецкая психология (Gestaltpsychologie), исходя из критики психологического ассоциационизма и «мозаичности» старой психологии, изучила ряд основных закономерностей целостного поведения, подчеркнув качественное своеобразие наиболее сложных его форм.

В то время как американская психология поведения подчеркнула необходимость объективного материалистического изучения психических процессов, вдавшись, однако, в чисто-механический подход к ним, новая немецкая психология обратила свое особенное внимание на качественно новый, целостный характер наиболее сложных форм поведения, подчеркнув, таким образом, ту сторону в этих процессах, которую мы называем их динамикой, их диалектичностью.

Пред современной русской наукой с несомненностью стоит задача учесть достижения новейших западных течений и, избежав их ошибок, построить свое достаточно крепкое направление психологической мысли, исходящее из объективного и динамического подхода к явлениям человеческого поведения.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Бихэвиоризм.

В этом отделе включены важнейшие работы американских психологов поведения, а также частично и работы авторов, стоящих на родственной точке зрения.

Watson I. B. Psychology from the standpoint of a behaviorist. 1918. [Русск. пер.: Уотсон. Психология как наука о поведении. ГИЗ, 1926, и Укр. гос. изд., 1926].

Основная книга одного из создателей бихэвиоризма, систематически излагающая с этой точки зрения психологию.

Watson. Behaviorism. 1925.

Watson. Behaviorism. Статья в Archives of Psychiatry, 1926.

Watson. What the nursery has to say about instincts. Pedagogical Seminary. 1925, № 2.

Watson. Experimental studies on the growth of the emotions. Pedagogical Seminary. 1925, № 2.

Watson. Recent experiments on how we lose and change our emotional equipment. Pedagogical Seminary. 1925, № 2.

Watson. Бихэвиоризм. Статья в Больш. сов. энциклопедии.

Weiss A. P. A theoretical basis of human behavior. 1925.

(Систематическое изложение основных принципов бихэвиоризма; одна из наиболее крайних по взглядам и механистическому подходу работа.)

Weiss. Behaviorism and Behavior. Psychological Review. 1924.

Roback. Behaviorism and Psychology. Cambridge. 1923.

(Обзор основных направлений в психологии поведения.)

Kantor. Principles of Psychology. 1924.

(Руководство по психологии, изложенное с точки зрения, близкой к бихэвиоризму.)

W. Burnham. The normal mind. 1924.

(Книга подробно излагает теорию условных рефлексов и ее применение к воспитанию.)

Herrick. Neurological foundation of animal behavior. 1924.

(Общее физиологическое введение в науку о поведении.)

Lashley. Behaviorism and consciousness. Psychol. Review. 1923.

(Работа, специально посвященная проблеме объективного анализа актов сознания.)

Thorndike. Educational Psychology. I — III. 1913 — 14.

(Автор не является собственно бихевиористом, но его работа во многом близка к основным положениям бихевиоризма.)

Loeb. The mechanistic conception of life. 1912.

Loeb. Forced movements, tropisms and animal conduct. 1918.

(Обе работы знаменитого американского физиолога являются лучшим выражением точки зрения, на которой строят свои выводы многие бихевиористы.)

Mc Dougall W. Psychology, the Study of behavior. 1912.

(Автор не является бихевиористом, хотя в его трудах этот термин был впервые введен. Работа — популярное изложение широкой психологии поведения.)

Mc Dougall W. Outlines of Psychology. 1924.

(Расширенный и полный курс психологии, изложенный с той же точки зрения.)

Mc Dougall W. Men or robots? Pedagogical Seminary. 1926.

(Критическая статья, направленная против механистического бихевиоризма.)

Ряд статей по отдельным вопросам бихевиоризма помещались в журналах Psychological Review, Animal Behavior Monographs, American Journal of Psychology и др.

II. Целостная психология („Gestaltpsychologie“).

В этом отделе приведены лишь важнейшие работы, касающиеся основных вопросов немецкой целостной психологии.

Köhler W. Die physische Gestalten in Ruhe und stationärem Zustand. 1920.

(Эта работа касается применения основных взглядов этой школы к физическим процессам.)

Köhler W. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. 1921.

(В этой работе Köhler приводит свои исследования, доказывающие наличие интеллектуальных функций в сложном поведении обезьяны.)

Köhler W. Intelligence of apes. Pedagogical Seminary. 1925.

(Краткое изложение тех же опытов.)

Köhler W. Gestaltsprobleme und Anfänge einer Gestalttheorie. Jahresbericht f. d. ger. Physiologie. 1922.

(Сводная работа, касающаяся основных принципов теории.)

Köhler W. An aspect of Gestalt Psychology. Pedagogical Seminary. 1925, № 4.

(То же.)

Wertheimer M. Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. Berl. 1925.

(Данный том включает три статьи автора: 1) о восприятии движений, 2) о логических процессах в реальном мышлении и 3) о мышлении первобытных народов.)

Wertheimer M. Über Gestalttheorie. Symposion, № 1, 1925.

(Краткий обзор принципов Gestalttheorie.)

Wertheimer M. Untersuchungen zur Lehre von Gestalt. Psychologische Forschungen, Bd. I, IV.

(Изложение основных положений целостной психологии).

K. Koffka. Die Grundlagen der psychischen Entwicklung. 2 Aufl. 1925.

(Систематическое изложение психического развития и его факторов с точки зрения целостной психологии.)

K. Koffka. The mental development, Pedagogical Seminary. 1925.
(То же в кратком изложении.)

K. Koffka. Die Psychologie der Gegenwart in Dessoir. Lehrbuch der Philosophie. 1925.

K. Lewin. Versatz, Wille und Bedürfniss. 1926.

(Изложение основных принципов изучения человеческого поведения с точки зрения целостной психологии.)

K. Lewin. Gesetz und Experiment in der Psychologie. 1927.

K. Goldstein. Zur Theorie der Funktion des Nervensystems. Archiv f. Psychiatrie. Bd. 74.

(Попытка приложить взгляды Gestalttheorie к физиологии нервной системы.)

A. Gelb и K. Goldstein. Psychologische Analysen hirnpathologischen Fälle. Barth. 1921.

(Исследования с m. sp. Gestalttheorie, проведенные над патологическим материалом.)

H. Kelson. The psychology of „Gestalt“. American Journal of Psychology. 1925—1926.

(Подробное изложение основных принципов и работ Gestalttheorie.)

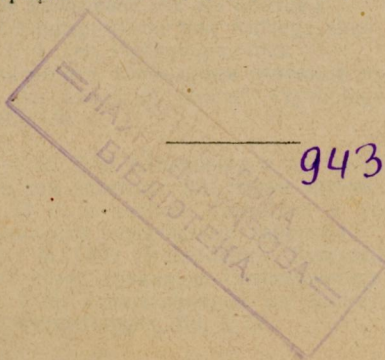
Отдельные работы авторов по различным проблемам целостной психологии помещаются в журнале этого направления — „Psychologische Forschungen“.

Отдельные исследования Wertheimer'a, Köhler'a и Koffka печатались также в Zeitschrift f. Psychologie.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. Эмпирическая психология	3
II. Развитие экспериментального метода	6
III. Американская психология поведения	10
1. Принципы психологии поведения	—
2. Структура поведения. Стимул и реакция	13
3. Скрытые реакции и механизмы мышления	16
4. Врожденные и приобретенные реакции	19
5. Воспитание новых форм поведения. Проблема обучения	24
6. Общие выводы	29
IV. Современная целостная психология (Gestaltpsychologie)	34
1. Принципы целостной психологии	—
2. Целостный принцип в восприятии	37
3. Физиологические и физические структуры	42
4. Интеллектуальное поведение. Опыты Köhler'a с обезьянами	45
5. Целостные исследования поведения человека	49
6. Общие выводы. Педагогическая практика	56
V. Заключение	59
Библиография	61

943848

150.

2. my

